

Владимир
КОЛЫЧЕВ

Черный интернационал

Мент в законе

Мент в законе

Владимир Колычев

Черный интернационал

«ЭКСМО»

2005

Колычев В. Г.

Черный интернационал / В. Г. Колычев — «Эксмо»,
2005 — (Мент в законе)

Офицер спецназа военной разведки Феликс Расколов, воюя в горах Чечни, даже не предполагал, что после войны будет искать молодую, красивую женщину Аиду, чтобы убить ее. Он познакомился с ней на черноморском курорте, и они провели незабываемую ночь. Но слишком поздно Феликс узнал, что она – беспощадная террористка и снайперша, на счету которой несколько десятков жизней. И в этом горьком числе – жизнь его боевого друга. Выйти на ее след трудно, но есть один человек, который поможет найти Феликсу коварную террористку, – подполковник милиции Степан Круча...

Содержание

Часть I	5
Глава первая	5
1	5
2	9
Глава вторая	16
1	16
2	19
Глава третья	25
1	25
2	29
Глава четвертая	39
1	39
2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Владимир Колычев

Черный интернационал

Часть I

Глава первая

1

Зима позади, весна в самом разгаре, впереди лето и отпуск. Можно будет сгонять куда-нибудь на Кипр или в Турцию. Отдохнуть, расслабиться, полной грудью вдохнуть воздух свободы. Но совсем не обязательно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. А как раз сегодня вечером у Степана выходной, впрочем, как и весь завтрашний день... Но Жанна лишила его свободы. С вечера уложила в постель: решила, что за неделю он жутко устал, иммунитет у него ослаб, хворь не за горами – словом, профилактика простудных заболеваний на первом месте. Для начала она растерла его ароматными маслами – лечебно-эротический массаж в таких случаях просто необходим. Спирт для сугрева – святое дело, поэтому на пару с женой Степан принял здоровья ради пятьдесят капель сугубо медицинского коньяка «Хеннесси», затем еще. Кровь воспалилась, сосуды расширились, настроение на крыльях либидо воспарило к небу. А тут еще и «медсестра» со своими процедурами...

Жанна являла собой верх сексуального соблазна и очарования. Чертовски красивая, пышные волосы, фигура, как у семнадцатилетней девушки, ноги – само совершенство. А наряд... Белый чепчик с красным крестом, ультракороткий белый халатик нараспашку поверх белого корсета, белые шелковые чулки на подвязках, трусики уже под подушкой, прозрачные туфли на высокой платформе падают на пол...

Лечебно-эротическая процедура закончилась полным его выздоровлением. Своими припарками Жанна сняла с него хворь, довела до исцеляющего изнеможения. Они вместе лежали в постели, наслаждались покоем и взаимной гармонией духа, медленно засыпали... Но, увы, заснуть не удалось. В половине первого ночи зазвонил телефон.

– Товарищ подполковник, у нас «Гроза», объявлен сбор... – сообщил дежурный по отделу.

– Что там стряслось? – всполошился Степан.

– Да пока вроде ничего. Но «Грозу» дали.

Термин «Гроза» использовал еще незабвенный товарищ Сталин – так он называл свой стратегический план нападения на фашистскую Германию. На современном же милицейском языке «Гроза» означала: сбор по тревоге всех сотрудников милиции, зачистка территорий, ориентирование на поиски террористов, усиление режима несения службы и охраны вверенных объектов.

Степан переговорил с дежурным, положил трубку, резким движением сорвал себя с постели – как будто преодолевал силу домашнего тяготения, способную его удержать.

– Неужели на службу? – недовольно и в то же время с пониманием спросила Жанна.

– Май, ночные грозы...

– Май – это хорошо, гроза – плохо... Когда тебя ждать?

– Не знаю... Ты спи, спи. Ни о чем не думай...

– Вдруг тебя молниейшибанет?... Хотя ты уже и без тогошибанутый. Нормальные люди спят в это время, а его черт знает куда несет. Мент ненормальный...

На улице было светло. Луна, звезды, дворовые и уличные фонари. Прохладно, но от прогретой за день земли тянет теплом. Где-то застрекотал первый сверчок – «зер-зер-зер». А еще слышно, как шумит вода на Глубоком озере – до него рукой подать.

Степан выгнал из гаража свою машину, выехал со двора, взял курс на родной отдел. Он не изменял своим пристрастиям и по-прежнему ездил на «Волге». Форсированный фордовский движок, мощная ходовая, кожаный салон, бортовой компьютер. Легче было бы купить крутую иномарку, но Степан предпочитал «Волгу». Возможно, это всего лишь упрямство с его стороны, но менять он ничего не собирался, во всяком случае, в ближайшее время.

Возле здания ОВД оживление. Прибывает начальство, сотрудники. Степан тоже начальство. В отделе он возглавлял службу криминальной милиции, являлся первым замом начальника ОВД «Битово». В подчинении – уголовный розыск, отделы борьбы в сфере экономики и экспертно-криминалистический. На местах свои люди – все тот же Федот Комов, Эдик Савельев, Рома Лозовой и Саня Кулик. Им всем предлагали повышение в других ОВД, но ребята – ни в какую. Не хотят они покидать родной отдел. Впрочем, им не так уж и плохо под началом Степана. Все четверо – майоры и старшими офицерами считаются не только по званию, но и по уважению. К тому же карьерный рост был возможен и внутри отдела.

Начальником ОВД был все тот же Хлебов, уже полковник. Нормальный мужик, с ним у Степана полное взаимопонимание, причем, как и со всеми другими начальниками. Такой уж он человек – бескомпромиссный, но в то же время неконфликтный, вернее, старается быть таковым...

Степан побывал у Хлебова, заглянул в кабинет к начальнику уголовного розыска майору Комову. Там и застал своих друзей-подчиненных. Эдик и Саня – старшие оперуполномоченные под началом Федота: Рома возглавлял отдел по борьбе с экономическими преступлениями – ради такого дела даже в экономический институт поступил учиться, третий курс уже заканчивает.

– Командир, шуму много, а взрывов-то вроде нет. Зачем нас тут собрали? – спросил Федот.

– Информация по ФСБ прошла – чечены теракт в Москве готовят, – прояснил ситуацию Степан. – Информация оперативная, степень достоверности – мутная. Но, как говорит наш знакомый генерал, лучше перебдеть, чем недобдеть. Так что будем бдеть...

– Это чтобы жизнь нам медом не казалась, – сонно зевнул Лозовой.

– Что, Рома, не выспался?

– А ты, Степан Степаныч, как будто выспался.

– Ничего, на пенсии выплюсь... В общем, так, любезные, находимся здесь до особых распоряжений.

– Как насчет взбодриться? – спросил Федот и многозначительно показал взглядом на барную секцию в шкафу.

– Без вопросов, – усмехнулся Степан. – Желающим взбодриться разрешаю размяться в спортивном городке или отправиться на маршрут патрулирования.

– Уж лучше на маршрут, – решил Лозовой. – Ночка хорошая, свежая... Может, в самом деле прошвырнемся, а, Степан Степаныч? Не то скиснем здесь.

– Посмотрим...

Информации о чрезвычайных происшествиях не поступало, особых распоряжений тоже, но команда «отбой» запаздывала. В конце концов Степану наскучило сидеть в отделе, он взял с собой Лозового и вместе с ним пешком вдоль жилого квартала отправился на патрулирование в направлении воинской части. Он нарочно не взял машину. Хотелось поразмять ноги, подышать свежим воздухом, послушать ночную тишину.

Время – половина четвертого ночи. На улицах пусто, только редкая машина прошуршит мимо. Из нормальных людей никого. Только ненормальные, вроде Степана и Ромы. В столь позднее время да еще на пустынных улицах внимание привлекал любой человек. А тут на глаза попался какой-то мужик в кожаной куртке. Он шел по направлению к десятиэтажному дому. Его не штало, не бросало из стороны в сторону, но все равно у Степана возникло такое впечатление, что ночной гуляка идет на автопилоте.

– Гражданин, постойте! – издали окликнул его Рома.

Мужик резко остановился, стремительно развернулся к нему лицом, застыл как вкопанный. В боевую стойку вроде бы не становился, но Степану показалось, что внутренне он приготовился отразить возможное нападение.

– Майор милиции Лозовой! – подходя к нему, представился Рома. – Предъявите документы!

Гуляка понимающе кивнул, полез в куртку за документами. Степан внутренне напрягся, поставил себя на боевой взвод. Ведь гражданин вместо документов запросто мог достать нож или даже пистолет.

Но все было в порядке. Прохожий предъявил служебное удостоверение в красной корочке.

– Подполковник милиции Кабаржин Олег Дмитриевич, – с уважительной интонацией прочитал Рома.

– Командир отряда ОМОН, – дополнил мужчина.

Можно сказать, что внешне он вполне соответствовал своей должности. Рост где-то метр восемьдесят, в плечах косая сажень, обветренное волевого склада лицо, мягкий, но в то же время сильный взгляд. От него разило спиртным, но на ногах он держался крепко. Чувствовалась офицерская закалка.

– Гуляете, товарищ подполковник? – с понимающей насмешкой спросил Степан.

– Так в отпуске же, а тут товарища встретил, посидели немного, домой вот возвращаюсь.

– Ничего себе немного, утро уже скоро.

– Так говорю же, в отпуске я.

– А каким отрядом командуете?

– Особым. Он сейчас в Чечне находится, а что?

– Да нет, ничего. Просто я многих омовцев знаю, а вас вижу впервые.

– Так я сам из Красноярска. А жена у меня отсюда, мы к теще погостить приехали. Вы что, допрашиваете меня?

– Да нет, – пожал плечами Степан. – Просто интересно, сами вы из Красноярска, а товарища здесь встретили...

– С товарищем этим мы вместе в Чечне служили. Это еще когда первый заезд был. В смысле, первая чеченская. Я и с женой своей через него познакомился... Надеюсь, ваше любопытство удовлетворено?

Подполковник говорил мягко, без всякого вызова. Но все же чувствовалось, как нарастало его скрытое раздражение.

– Извините, товарищ подполковник, – улыбнулся ему Степан. – Служба у нас такая...

Ему было неловко. Мужик правильный, боевой офицер, а он его пытается как какого-то пижона.

– Проверки на дорогах? – понимающе усмехнулся омовец.

– Что-то вроде того... Если вдруг какие-то проблемы, обращайтесь прямо ко мне. Подполковник Круча, замначальника ОВД «Битово»...

– Странно: подполковник и майор, и в патруле, – заметил Кабаржин.

– «Гроза» у нас, вот и приходится метать молнии.

– А, «Гроза», понимаю. Террористы замучили?

– Да нас-то еще пока не трогают, тьфу, тьфу, а Москва гудит...

– Это из Чечни вся зараза...

– Так уничтожить эту заразу, и все дела.

– Как уничтожить, если приказа нет? Кому-то выгодна эта война, поэтому мы и воюем, непонятно до какого конца... Ладно, господа офицеры, пора уже – вам служить, мне отдыхать...

Подполковник помахал Степану и Роме рукой, повернулся к ним спиной и зашагал к своему дому.

Степан смотрел ему вслед и заметил двух людей, сидящих на скамейке возле его подъезда. Мало ли кому не спится в ночь глухую. Может, это кто-то из жильцов дома на рыбалку собирается. Сидят мужики, ждут третьего, чтобы затем сообразить на троих в кустах у Глубокого озера... Но Степану присутствие этих полуночников показалось подозрительным.

Под козырьком у входа в подъезд лампочка не горела, двор освещался плохо. Поэтому он видел только силуэты сидящих. Зато те хорошо его видели. И как только поняли, что он идет по их душу, вскочили со скамейки и бросились наутек.

– Оп-ля, с чего бы это? – скорее у самого себя, чем у Степана, спросил Рома.

– А надо узнать! Давай за ними!

Степан первым бросился за беглецами, увлек за собой Лозового.

– Стоять, милиция!

Но удирающие типы даже не думали останавливаться. И со всех ног продолжали бежать в сторону воинской части.

Степан Круча принадлежал к числу тех людей, для кого спорт – удовольствие, а не обязанность. И сейчас он был в отличной физической форме – бегал легко, стремительно. И Рома в этом плане отнюдь не дохляк. Они оба бежали быстро, во весь опор. Но, видимо, неустановленные типы тоже дружили со спортом, и расстояние до них сокращалось очень медленно. Но все же сокращалось. И, наверное, сократилось бы до минимума, если бы перед беглецами не вырос забор воинской части. Они с ходу перескочили через эту преграду, как будто это был привычный элемент полосы препятствия. Степан и Рома также не стали топтаться перед забором, легко перемахнув через него. И оказались на бетонированной площадке, от которой вдаль тянулись два ряда зданий – по всей видимости, складских помещений. В проходе между ними в робком освещении фонарей сверкали пятками беглецы. Но вот они свернули за угол, и все – нет их. Однако и Степан не стоял на месте.

– Стой, кто идет! – грозным окриком раздалось за спиной.

Степан и Рома разом остановились, медленно развернулись на звук. Они еще не совсем поняли, что произошло, но уже знали – лучше обойтись без резких движений.

А произошло то, что должно было произойти, – они нарвались на часового. Но произойти это должно было и с беглецами. Увы, по закону подлости, те успели проскочить мимо обходившего свою территорию солдата. А Степану и Роме не повезло.

– Стой, стрелять буду! – крикнул часовой и тут же нажал на спусковой крючок.

Первый выстрел был сделан в воздух, все как по уставу. Но ведь Степан и Рома остановились еще до этого, даже оружие спрятали. Но, видно, солдат вместо устава караульной службы читал анекдоты про армию. Есть там такая сценка: «Стой, стрелять буду». – «Стою!» – «Стреляю!»...

К счастью, солдат находился достаточно далеко от нарушителей, да и стрелок из него оказался аховый. Длинная очередь прошла высоко над головой. Несколько пуль высекли искры из кирпичных стен армейского склада. Пришлось залечь.

– Что ж он, гад, делает! – не на шутку разозлился Рома.

Он вытащил свой пистолет, несколько раз выстрелил в сторону часового. Уж лучше подстрелить этого придурка, чем оказаться в морге или, в лучшем случае, на больничной койке.

Но Рома стрелял не на поражение, а в воздух. И все же этого хватило, чтобы часовой упал на четвереньки, на карачках дополз до выступа пожарного колодца, залег за него. И уже оттуда, не высовывая головы, принялся палить из автомата. К счастью, все пули уходили в небо.

Степан дождался, когда трусливый солдатик израсходует первый магазин. Когда он стал перезаряжать автомат, в мощном рывке добежал до него, ударом ноги выбил из рук оружие, заломил назад руки, защелкнул на них наручники.

– А-а, не убивайте! – завопил солдатик.

– Даже в мыслях нет, – разворачивая его к себе лицом, сказал Степан. – Что ж ты, соколик, устав караульной службы нарушаешь. Мы же остановились, а ты стрелять в нас... Из милиции мы, не колотись...

Будь Степан хоть генералом армии, он бы не мог сейчас чувствовать себя спокойно. Наверняка караул уже поднят в ружье, в любой момент могли появиться вооруженные солдатики, которые сейчас подчинялись только начальнику караула. При всех раскладах Степан для них враг, и они запросто могли открыть огонь на поражение. И попробуй потом докажи, что они действовали неправильно...

Но все обошлось. Начальником караула оказался опытный офицер, а не какой-то безмозглый сержант. Команду открыть огонь он не подал. Но все же Степану пришлось долго объяснять ему, как и зачем он оказался на территории воинской части. Разобрались. Затем стали разбираться с неизвестными, которых преследовал Степан и Рома. У них появилось вполне логичное предположение, что беглецами могли быть военнослужащие этой части. Ведь они перескочили через забор именно в том месте, где колючая проволока была сорвана – этакая лазейка для самовольщиков. И потом, часовой не стал останавливать их, что также подозрительно. Возможно, беглецы имели на него какое-то влияние. Выяснилось, что часовой был из молодых, а те могли быть «дедами».

Но сменившийся часовой, ныне уже просто караульный, твердо стоял на том, что никаких подозрительных людей на вверенном ему объекте он не видел и, соответственно, не имеет никакого понятия, кто они такие.

Можно было договориться с командиром части и провести опознание. Но Степан на это не пошел. Во-первых, он не знал беглецов в лицо. А во-вторых, ничего такого они не совершили. Даже если он найдет их, что предъявит им? Неподчинение сотрудникам милиции, находящимся при исполнении? Но у них с Ромой на лбу не написано, что они из милиции. Задержи этих шустриков, так они сразу скажут, что приняли Степана и Рому за бандитов, поэтому и бросились от них наутек. В общем, овчинка не будет стоить выделки. К тому же приключений и без того хватало. Одно то, что Степана и Рому мог пристрелить бестолковый часовой, навело невеселые мысли. Не зря Жанна предостерегала его от молнии...

Расположение не очень гостеприимной части Степан покидал уже утром, несолоно хлебавши. Но настроение было в полном порядке. Он уже знал, что «Гроза» утихла, личному составу дан отбой, и он может ехать домой. Впереди у него был целый выходной. А то, что он не смог задержать каких-то придурков из подворотни, так ничего нет в том страшного...

2

Выходной день пролетел как пуля у виска. Впечатлений много, но все уже позади. А впереди служба.

Он ехал в отдел. Настроение – не очень. Хандра какая-то с утра напала. А тут еще в «красную волну» попал. Четвертый светофор подряд, и везде красный свет. Приходилось останавливаться. И с каждой остановкой раздражение нарастало.

Видимо, синдром понедельника действовал не только на него одного. На его глазах на желтый свет светофора остановился новенький «глазастый» «Мерседес» серебристого цвета.

А за ним синяя «девятка» с приподнятым задом – как у курицы перед оплодотворением. Водитель «девятки» принялся остервенело сигналить, требуя, чтобы «мерс» ехал дальше, освобождая ему дорогу. Таких водил называют «ошпарками». Всех обгоняют, едут на красный свет, сигналият в белый свет как в копеечку. Житья от таких придурков нет на дорогах.

Все бы ничего, но из «Мерседеса» показалась женская рука с вытянутым вверх средним пальцем. На международном языке этот жест означал экспрессивный посыл в зону мужских гениталий. «Ошпарок» вскипел, в бешенстве выскочил из машины, попытался вскрыть «Мерседес». Но женщина заблокировала дверь и подняла стекло. А «ошпарок» разошелся. И давай барабанить кулаками по крыше. А тут еще и перекресток забит машинами – при всем желании водителю «Мерседеса» вперед не проехать...

Водители других машин никак не реагировали на эксцесс. Все правильно, жизнь нынче такая, сейчас каждый за себя, свой кузов ближе к заднице. Но Степан-то живет по другому принципу. Он – мент, не имеет права оставаться в стороне.

Он рывком вышел из машины, дотянулся до грубияна, двумя руками схватил его за шкуру, оторвал от земли. Росту в нем – метр с кепкой, живого весу – дерьма больше. А что-то еще ставит из себя, руки распускает. Но это он с женщиной герой. А когда понял, что пахло жареным, в момент остыл, скукожился.

– Отпустите! – жалобно попросил он.

– Еще чего! – ответил за Степана женский голос.

Из машины выходила девушка. Высокая, стройная. Пышные прямые волосы каштанового цвета, красивое лицо, спокойный макияж. Дорогой модный костюм – короткий жакет поверх нежной водолазки, узкие брюки – такие же бесконечно длинные, как и ее ноги.

– Ты откуда взялся, придурок? – не то чтобы зло, но с некоторым остервенением спросила она.

– Это вы мне? – улыбнулся Степан.

– Ну нет, – слегка растерянно улыбнулась она. И ткнула пальцем в «ошпарка». – Это я про него...

– Слышишь, придурок, тебя спрашивают, откуда ты такой взялся? – спросил он.

– Я больше не буду!

Ответ исчерпывающий. Тем более если знать психологию среднестатистического водителя. Как ведь бывает, на людях человек как человек, а сядет за баранку, так будто бес в него вселяется...

– Не будешь, тогда вали. И больше мне не попадайся!

Степан разжал руки, и «ошпарок» рухнул на асфальт. Быстро поднялся и, не отряхиваясь, скрылся в своей машине. Только его и видели.

– А вы кто будете? – с интересом и в то же время озадаченно смотрела на Степана девушка. – Я вас не знаю.

– Вы так говорите, как будто должны меня знать.

– Ну, я подумала, что это кто-то из моих знакомых мог за меня заступиться...

– А незнакомый заступиться не мог?

– Почему не мог? Мог... Но я думала, что знаю вас. А вышло, что нет... Между прочим, если бы не вы, этого придурка все равно бы по стенке размазали.

– Кто?

– Есть люди, – уклончиво ответила она.

– Криминальные личности.

– Может быть...

– Лучше бы вы мне это не говорили, – усмехнулся Степан.

– Почему?

– Потому что я не люблю, когда мне такое говорят. Как представитель закона говорю...

– Так вы из милиции! – догадалась она. – А я в милицию как раз и еду...

– Что-то случилось?

– Да, – помрачнела девушка. – Меня обокрали. Квартирная кража...

Ехидства ради Степан мог спросить, почему ж в таком случае она не обратилась за помощью к тем самым криминальным личностям, на которых ссылалась. Но, во-первых, у него не было желания ехидничать. А во-вторых, он прекрасно знал, как любят некоторые красотки пугать прохожих своими несуществующими связями в криминальном мире. И в-третьих, у него возникли вопросы иного характера.

– Когда вас обокрали?

– Не знаю, когда это случилось, но, приехав сегодня домой, обнаружила, что замок взломан, а в квартире нет ценных вещей. Главное – пропали деньги и драгоценности...

– С этим разберемся. Скажите, почему вы не позвонили на «02». Вы должны были на месте дожидаться прибытия оперативно-следственной бригады...

– Да знаю я, мою соседку обворовали, так она четыре часа ждала, пока к ней приедут...

– Так... Где вы живете?

Девушка назвала свой адрес, Степан тут же связался с отделом и велел немедленно отправить на место машину со следователем, операми и криминалистом. Сам же отправился по адресу.

Он подъехал к ее дому на своей машине, она – на своей. В лифте на двенадцатый этаж поднимались вместе. Самый обыкновенный крупнопанельный дом, относительно новый, в центре города.

По пути познакомились. Девушку звали Никой – сокращенно от имени Вероника. Фамилия Дробышева. Она сообщила об этом с таким видом, как будто Степан должен был если не знать, то хотя бы слышать про нее. Но, увы, это имя ему ни о чем не говорило. И он развел руками, давая ей это понять. Тогда она предъявила свое журналистское удостоверение и с гордостью сообщила, что является корреспондентом довольно-таки известной газеты с грандиозным названием «Мега-Экспресс».

– Надеюсь, Ника, вы не станете проводить журналистское расследование? – без всякой опаски улыбнулся он.

– Ну вообще-то у меня была такая мысль. Можно было бы осветить работу нашей родной милиции...

– Что ж, воля ваша.

Степан не боялся эту красотку. Даже если он не сможет раскрыть кражу. Ведь бывают же хитроумно спланированные и осуществленные преступления. Ну, напишет она какую-нибудь гадость насчет того, что российская милиция беспомощна и не в состоянии защитить налогоплательщиков, что с того? Степан уже давно привык к таким пакостям, с него как с гуся вода...

Дверь в квартиру бронированная. Замок достаточно прочный. Был когда-то. Преступники просто-напросто высверлили личинку, вскрыли дверь и проникли в дом.

Аккуратно, чтобы не уничтожить следы преступников, Степан зашел в квартиру. Две комнаты, просторная кухня. Красиво, стильно, дорого и со вкусом. Но во всем этом квартирно-гарнитурном комплексе видны были прорехи. Бросалось в глаза отсутствие телевизора, видеомэгафона, музыкального центра. Сейчас ни одна квартира не обходится без этого. А здесь ничего такого нет. Только пустая телевизионная тумбочка и сиротливо брошенный антенный шнур.

– Вероника, вы говорили, что у вас украли деньги и драгоценности, – сказал Степан.

– Да, и это самое главное, – сокрушенно вздохнула красавица.

– Сколько?

– Восемьдесят пять тысяч долларов наличностью и драгоценностей тысяч на триста...

– Рублей или долларов?

– Ну конечно, долларов. Кто сейчас на рубли счет ведет?

– Как это ни странно, подавляющее большинство наших сограждан деньги считают в рублях. Но не будем отвлекаться от темы... Где находились деньги?

– В сейфе.

– Драгоценности?

– Там же...

Степан осторожно прошел в спальную комнату, где за отодвинутым компьютерным столом в стене зияла дыра, на месте которой когда-то был небольшой сейф. Его вырвали вместе с мясом...

Место для тайника не самое оригинальное. Преступники могли найти сейф и без наводки. Но откуда они могли знать, что в квартире самой обыкновенной журналистки могло находиться столько добра? Восемьдесят пять тысяч долларов наличностью – это не шутка. Триста тысяч, в которые Ника оценила пропавшие драгоценности, сумма весьма относительная. Но даже при погрешности «минус» пятьдесят тысяч сумма вырисовывается очень большая.

– Вероника, извините за нескромный вопрос, где вы были этой ночью? – спросил Степан.

– Ну, я девушка не замужняя, свободная. Скажем так: я ночевала у друга... – в раздумье ответила она.

– И часто вы у него ночуете?

– Когда как. Но чаще я ночую дома... Вас интересует, с кем?

– К сожалению, да, интересует... Видите ли, в чем дело, преступники проникли к вам в квартиру именно в момент вашего отсутствия. Значит, они знали, когда вас не бывает дома. К тому же преступники были в курсе, что и где вы храните. В общем, возникает мысль, что они действовали по наводке...

– Вы, наверное, думаете, что преступников мог навести кто-то из моих друзей? – с нескрываемым сарказмом спросила Ника.

Она сидела в кресле в эффектной позе. Нога за ногу, руки грациозно собраны на коленке, плечи расправлены, голова высоко поднята вверх. Она стояла того, чтобы ею любовались...

– Вы говорите о своих друзьях во множественном числе, – заметил Степан. – Сколько их у вас?

– Боюсь, что этого я не могу сказать, – вальяжно покачала она головой.

Степан в ответ лишь надменно усмехнулся. Похоже, эта Ника из той породы хитромудрых лисичек, которые и рыбку хотят съесть, и на волчий хвост не сесть. Что ж, это ее право потерпевшей – держать в секрете свои интимные связи. В таком случае шансы найти преступников падают до минимума. И если Степан со своей командой не сможет раскрыть кражу, то пусть она пеняет на себя. А свое журналистское расследование пусть засунет в то самое место, где она хранит свои тайны...

Он не стал выяснять подробности из личной жизни потерпевшей. Заставил Нику писать заявление, где обязал составить подробный перечень пропавших вещей. Когда прибыла оперативно-следственная группа, передал ее на руки Эдику Савельеву и Сане Кулику, а сам отправился в ОВД. В конце концов, он – начальник криминальной милиции и не обязан сам искать преступников. Его дело – организовывать, руководить и направлять. А также получать и анализировать сопутствующую расследованию информацию.

Через два дня на утренней планерке он затронул вопрос кражи в квартире гражданки Дробышевой Вероники Сергеевны. Уголовное дело по этому факту было возбуждено, план оперативно-розыскных мероприятий составлен, эксперты обнародовали результаты своих криминальных исследований. Результат, правда, почти нулевой – преступники не оставили отпечатков пальцев и сигаретных окурков тоже – это в кино «бычки» на каждом углу вперемешку с пуговицами, чеками из химчистки, железнодорожными билетами. В жизни тоже так бывает, но редко и не в данном случае. Похоже, преступник попался грамотный.

– Что удалось выяснить про саму Веронику? – спросил Степан у Савельева. Он взял на себя это дело, с него и спрос.

– Есть кое-что интересное, – загадочно улыбнулся Эдик.

– А конкретно?

– Очень выдающаяся особа, скажу я вам.

– Известная журналистка как-никак.

– Да какая там журналистка, – весело махнул рукой Савельев. – В общем, я с одной ее бывшей подружкой разговаривал. И не только с ней... Кстати, подружек у нее много, и все почему-то бывшие. То ли Ника зазналась, то ли те не могут ей простить ее успех...

– Какой успех?

– Степан Степанович, ну ты же был у нее в квартире. И машину ее видел. Богатая квартира, машина «Мерседес», почти сто тысяч долларов на руках, куча драгоценностей... Откуда у нее все это?

– Это ты у меня спрашиваешь? – нахмурился Степан. – Ты свою риторику в сейфе закрой, а мне голые факты давай...

– А ничего, что эти голые факты строятся на голом теле?... Короче, Ника эта – девочка еще та. Уроженка нашего славного городка, двадцать четыре года от роду, закончила факультет журналистики МГУ, в настоящее время числится сотрудником газеты «Мега-Экспресс».

– Почему числится?

– Так потому, что не особо напрягается. Если одну-две статейки в год набросает, то, считай, хорошо. У нее в свое время с учредителем этой газеты роман был. Вот он по благу и пристроил ее в редакцию. Но она там больше числится, чем работает. Хотя на презентациях – ну, куда журналистов пускают – там она первая. Короче, журналистские корочки ей больше для тусовки нужны, чем для дела...

– Чем же она на жизнь зарабатывает?

– Папы богатые у нее. В смысле, папики – ну, спонсоры то бишь...

– И много спонсоров?

– На данный момент трое, – лыбился Эдик.

– Разве так бывает?

– В том-то и дело, что бывает. У нее сейчас два спонсора активных, а один пассивный...

– Чего?

– Ну, не в смысле ориентации, а жизненной позиции. Один ухажер – так, от случая к случаю с ней, и то, если она сама позвонит...

– Точно, пассивный.

– Вот и я о том же. А два других активные. Сами ей звонят, сами к ней наезжают, в общем, набиваются...

– И как же она их чередует?

– Этого я не знаю. Видимо, как-то договариваются...

– Ты пробил этих деятелей?

– А то! Оба из Москвы. Сергей Будякин и Борис Брайнин. И тот и другой – миллионеры. Будякин занимается перевалкой нефти за рубеж, у него в Новороссийске свои терминалы и танкеры. Брайнин владеет банком «Альфа-Максимус». В общем, денег у этих ребят хватает. Так что Ника не испытывает недостатка в наличности. Про подарки я и не говорю. Брайнин квартиру ей в Битово подарил, Будякин – «Мерседес». Мебель, драгоценности – все от них. Да и не только они стараются. До них Ника романы с новорусами попроще крутила, но шубки норковые, жемчуга имела...

– Щедрые у нее ухажеры, – заметил Степан.

– Да уж, щедрые, держи карман шире. У этого Брайнина снега зимой не допросишься...

– Но ты же говоришь, что это он квартиру Нике подарил. Неплохая, скажу, хатка...

– Другой бы не подарил. А ей подарил... Баба она смаковая, с этим не поспоришь. Но таких красавиц в Москве и без нее хватает. Но не всем такие подарки дарят, далеко не всем. Ника, говорят, особенная баба. Она как тот талисман на удачу. Еще первые ее ухажеры заметили, что все подарки окупаются. И с Брайниным такая же история, и с этим, с Будякиным. Брайнин квартиру Нике подарил, так он сразу тендер какой-то крупный выиграл, о котором, говорят, даже мечтать не мог. А после того как Будякин «мерс» ей подарил, его фирма получила особый сертификат Международной организации стандартов... Вот и я думаю: может, и мне что-нибудь ей подарить? – весело улыбнулся Эдик.

– Дарить, наверное, мало – надо еще и переспать, – хмыкнул Степан. – Справишься?

– Так это дело нехитрое...

– Хитрость в том, как эту Нику поделить. Скажи, между ее ухажерами стычки бывали – ну, на почве ревности или там неудовлетворенности?

– Информации на этот счет нет. Может, и случалось что. Хотя вряд ли. Будякин – человек женатый: Брайнин по жизни холостяк, короче, ни тот, ни другой жениться на Нике не собирается, а раз так, то никаких обязанностей у нее перед ними нет...

– Это она так считает. А если тот же Брайнин или Будякин считают, что Ника им по гроб жизни обязана?! Может, кто-то из них решил отомстить ей, поэтому и дал наводку на ее квартиру. Или своих спецов на кражу послали...

– Да теоретически такое, конечно, возможно. Но практически... Я изучал прошлое этих деятелей. Не судимы, не привлекались, в криминале не замечены. Если раньше за ними ничего не было, то сейчас они тем более в криминал не полезут, ни к чему им эта головная боль. Я-то, конечно, допрошу этих огурцов, но не думаю, что это даст результат. Они люди серьезные, со связями, начну давить – сразу в стойку встанут. Про разрешение на обыск я даже не говорю – по ушам нам дадут, а не санкцию...

Кража – преступление, можно сказать, банальное. На основании пустых предположений бизнесменов в разработку не возьмешь – прокурор постановление не подпишет, да и само по себе дело это очень хлопотное, если не сказать, неоправданно хлопотное. Так что придется прибегнуть к испытанной методике. На все украденные вещи ставится «сторожок», и как только одна из них всплывает где-нибудь на барахолке, в ломбарде или еще где, начинается работа. Кто купил, кто продал и так далее и тому подобное – по цепочке до самого вора, а там и наводчик и даже заказчик всплыть может. Но это еще не все.

– «Барабаны» о чем стучат? – спросил Степан.

Большинство краж раскрывается через агентурную сеть, а она у сыщиков Битовского ОВД весьма обширная.

– Так в том-то и дело, что стучат. – Эдик растянул губы в интригующей улыбке.

– С этого бы и начинал. А то развел тут бодягу...

– Так без этой бодяги нельзя. Все через нее... Я рассказал только про двух активных папиков. А про третьего ничего не сказал. В принципе с него и надо было начать...

– Это тот, который пассивный?

– Ага, пассивный... – хмыкнул Эдик. – Только ты ему об этом не говори...

– Ты считаешь, у меня будет возможность с ним поговорить?

– Ну да. Это ж наш дражайший господин Сафронов. Он же Леша Сафрон.

– Это интересно! – оживился Степан.

Он был неравнодушен к этому местному бандитскому авторитету, пардон, бизнесмену и предпринимателю. Лет десять с ним уже воюет. И всегда, во всех стычках берет верх. Да надо сказать, Сафрон уже и не больно-то сопротивляется. Рыпался когда-то, пытался поставить Степана под себя, да кишка тонка. Битовский уголовный розыск оказался сильнее той же битовской уголовно-криминальной бригады гражданина Сафронова.

– Тут какая история, эта Ника сама ему навязалась. Она же из Битова, а в Москву пере-
езжать не собирается – нравится ей здесь. А кто у нас здесь самый крутой? Сафрон, конечно.
Вот она и решила спокойствия ради обзавестись таким покровителем...

– Дура потому что, – хмыкнул Степан.

Теперь он понимал, на какие криминальные личности намекала ему Ника. Но опять же
искать правду она отправилась в милицию, а не к своему Сафрону. Почему? Сафрон в прин-
ципе мог бы ей помочь: с воровской общиной у него непонятно вроде бы нет, местный смот-
рящий с его руки кормится... Но Сафрон за просто так и пальцем не пошевелит. Видимо, Ника
знает, как дорого стоят его услуги, поэтому и обратилась в милицию, где, как известно, помо-
гают забесплатно. А может, проблема заключена не в стоимости услуг, а в чем-то другом...

– Ты говорил, что Ника сама звонит Сафрону, сама навязывается. Может, она так его
достала, что он решил наказать ее, – предположил Степан.

– Так Сафрон бабник известный, к тому же должен знать, что Ника, типа, талисман
удачи... Может, и не знает. Но спать он с ней спал, это точно. И вряд ли жалеет об этом...

– Еще что выяснил?

– Да, в сущности, ничего особенного. Но сам факт, что Ника с Сафроном знается, уже
о многом говорит. Сам-то он хату выставить не стал бы. А вот ворам наводку дать мог. Дал
наводку, содрал свой процент с прибыли, и все дела...

– Логично... Как насчет по городу немного покататься? – спросил Степан.

– К Сафрону в гости? – догадался Эдик.

– Давненько мы уже с ним не виделись, – ухмыльнулся Круча. – А то как бы не распух
пацан без нашего дружеского участия...

Профилактика бандитских авторитетов – вещь нужная и к тому же полезная. Нельзя
давать им расслабляться, а то еще чего доброго закабанеют и забывают...

Глава вторая

1

Леша Сафронов уже давно не держал под собой никаких бригад из диких рэкетиоров. Бойцы-то у него, конечно, есть. Но все они – сотрудники частного охранного предприятия «Ракита» и блюдут безопасность предпринимателей, которых прежде дербанили за милую душу. Деньги за охранные услуги исправно поступают на счета охранной фирмы. Де-юре – никакого криминала. А де-факто мало кого волнует. Даже Степана Кручу, у которого, кстати сказать, тоже есть зависимые от него бизнесмены. Но зависимость эта и сопутствующие расчеты исключительно на добровольных началах. Ты – мне, я – тебе, этот принцип существовал всегда и везде...

Сафрон считался криминальным авторитетом. Но с криминалом был завязан постольку поскольку. Куда больше его волновал легальный бизнес. Битово иногда называли подмосковным Лас-Вегасом. Зеленый город в двух-трех километрах от МКАД, отличная экология, сосновая роща, роскошное озеро, окруженное новорусскими поселками. В самом городе цветет и пахнет индустрия развлечений – казино, ночные клубы, спортивно-досуговые центры, аквапарки, развитая инфраструктура, отличные дороги. Словом, «випы» любили Битово, ехали сюда, чтобы расстаться со своими денежками. Сафрон совладел несколькими достаточно крупными заведениями развлекательно-разорительного толка, ему принадлежали почти все массажные салоны и сауны, где в поте лобка своего трудились на его благо податливые красотки. С наркотой Сафрон не связывался. Был один инцидент, но Степан сумел доказать криминальному боссу его неправомерность и сделал это достаточно убедительно.

Сафрон почти никогда не сидел на месте, и его трудно было застать в офисе. Но Степан выяснил, где можно его найти. Развлекательный комплекс «Реверс» – казино, ночной клуб, стриптиз-шоу, VIP-зал с бассейном, саунами и массажными салонами. Короче, рай для богатых искателей острых ощущений.

За годы совместного существования сложилась традиция – Степан приходил в гости к Сафрону без предупреждения. Нарушать традиции – плохая примета, поэтому команда битовских ментов и в этот раз свалилась на господина Сафронова как снег на голову.

Степан обладал внушительной комплекцией. За последние пару лет живот слегка оброс жирком, но мышечная масса сохранилась без убытка. Высокий рост, недюжинный размах в плечах, в движении – танковый натиск. И его помощники ему под стать – Федот, Эдик, Саня. Ромы Лозового в этот раз с ним не было, но и без него ментовская команда смотрелась более чем внушительно. Охранник на входе даже пикнуть не посмел, резво посторонился, пропуская ментов. Видать, бывалый парень попался, если знает, кто такой подполковник Круча и что это такое – попасть под его горячую руку. Он посторонился, открыл доступ к сафроновскому телу, но это не означало, что его язык застрял в том месте, куда он его только что засунул. Степан шел в зал, где заседал Сафрон, а охранник уже связывается со своим боссом, извещая о нависшей опасности.

Были случаи, когда с появлением Степана Сафрон просто-напросто делал ноги. Но сейчас господин криминальный босс остался на месте. И даже попытался изобразить радость по поводу столь неожиданной встречи.

Степан застал его в огромном зале, посреди которого возвышалась овальная сцена с танцевальными шестами по окружности. Сафрон тонул в кожаном кресле за столиком. С появлением незваных гостей поднялся, набросил на лицо резиновую улыбку.

– Здорово, Алексей Батькович, принимай татар, – мрачно усмехнулся Степан.

– Да какой же ты татарин, Степан Степаныч! Всегда рад тебя видеть!

Он совсем не был похож на уголовно-криминального авторитета классического образца. Светлых тонов костюм, галстук, сытое холеное лицо, классическая модельная стрижка, не имеющая ничего общего с бандитским «ноль-зеро». Но глаза... В них чувствовалась магнетическая сила, способная подавлять и подчинять. И внутри у Сафрона прочный, но гибкий стержень, который позволяет ему оставаться на плаву, в то время как масса его бывших дружков уже давно обкладывает данью чертячьи барахолки того света...

– Ты, как всегда, кстати! – показывая Степану на свободное кресло, сказал Сафрон.

– Я всегда кстати... Еще не вечер, а ты уже пируешь, – Круча кивнул на стол, на котором стояла бутылка клюквенного аперитива, лежали фрукты в вазочке, шоколад.

– Да какой там пирую? Так, балуюсь... Кстати, как насчет пообедать? Я распоряжусь...

– Спасибо, как-нибудь в другой раз.

– Как знаешь... А на девочек моих посмотришь? Сейчас они появятся. Я, думаешь, зачем здесь? Смотрю, как они работают. Типа кастинг...

– Может, ты потом на них посмотришь, когда я уйду? Я же не просто так к тебе пришел, для разговора.

– Да ладно тебе, Степан Степаныч! Пусть себе танцуют. А мы поговорим... Какие проблемы, господин подполковник?

В данном случае обращение «господин» было лишено даже намека на шутовскую издевку. И все потому, что Степана боялись и уважали.

– Меня интересует Вероника Дробышева, – напрямую сказал Круча.

– Вероника?! А-а, Ника... Знаю такую, – кивнул Сафрон.

В это время заиграла музыка из фильма «Стриптиз», на сцену выпорхнули три девушки в прозрачных одеждах, легко и непринужденно накрутились на шесты. Надо сказать, танцевали они здорово. И фактура что надо – красивые мордашки, стройные фигурки, грудки мячиками, тугие выпуклые попки. Акустика в зале великолепная: музыка вроде бы играет громко, и звук «стерео» – идет со всех сторон, – а звучит мягко, как-то отдаленно, что ли. Одним словом, разговору музыка нисколько не мешала.

– Ну, как девочки? – с гордостью спросил Сафрон.

– Выше всяких похвал.

– Во! Это ты здорово сказал!.. У меня все такие. А ты про какую-то Нику спрашиваешь...

– Разве она какая-то?

– Ну, девчонка она в принципе неплохая. Но таких много. Вот, хотя бы на этих посмотри: кровь с молоком, а какие глазки, какие губки, а-а... Кстати, эти у меня недавно. Я их еще не пробовал...

– Зачем ты мне это говоришь? – недовольно нахмурился Степан.

Интимные подробности господина Сафронова нисколько его не волновали.

– Да к тому, что Нику-то я пробовал. Ничего особенного, скажу тебе, заводит так себе...

– Говорят, она удачу приносит, – сказал Степан.

– Удачу?! – хмыкнул Сафрон. – Язык бы вырвать тому, кто это говорит... Я, скажу тебе, купился на эту балду. Часики этой дуре подарил. И что? На следующий день тачку свою в хлам и разбил. Убытков на двадцать штук, короче...

– Да, не повезло, – мысленно хватаясь за логическую цепочку, проговорил Круча. – Какие часики ты ей подарил? «Шопард»?

– Ага, на букву «ж», – недовольно буркнул Сафрон. – Между прочим, на тридцать штук баксов тянут. Такие часики жена Блин Клинтона носит, блин...

– Тридцать тысяч долларов, говоришь, – насмешливо сощурился Степан. – Дробышева указала совсем другую стоимость. Сколько там?

– Четыре тысячи долларов, – подсказал Эдик.

- Вот видишь – четыре тысячи, а ты говоришь, тридцать. Кто из вас врет?
- А что, четыре тонны – это мало? – насупился Сафрон.
- Да никто и не говорит, что мало.
- Норковую шубу на эти бабки можно купить. Ну, не самую лучшую, но все равно... Э-э, а где она эту стоимость указала?
- В заявлении... А ты как будто не знаешь, что Дробышеву обворовали...
- Сафрон нервно закусил губу, недовольно зыркнул взглядом куда-то в пустоту.
- Да знаю, – сквозь зубы процедил он. – Приходила эта Дробышева, блин...
- Когда?
- Да вчера приходила. Плакалась, типа на кучу бабок попала, просила помочь... Я ей сказал, чтобы она к ментам обратилась. Ну ты же знаешь, Степаныч, что я тебе дорогу в этих делах не перебегаю...
- Почему же – мог бы и помочь девчонке. Ты же с Гунявым вась-вась, он бы тебе посодействовал, и добро бы нашлось...
- У меня свои дела, у Гунявого свои, чего я буду к нему лезть?
- Скажи, что не захотел помочь девчонке?
- А с какого это ляда я ей буду помогать?
- Но у тебя же с ней типа роман.
- Был роман, да сплыл... Да ты, Степаныч, посмотри, сколько у меня клевых телок. Кому я из них часики за четыре штуки бы подарил? Да никому! Слишком жирно! А этой подарил, так что я с ней типа в расчете. К тому же я тачку из-за нее разбил...
- Во сколько, говоришь, ремонт встал?
- Ну в двадцать штук, а что?
- Да то, что человек ты такой – у тебя где убыло, там и прибыло. А у Дробышевой хата богатая, деньги в тайнике, драгоценности...
- Э-эй, Степаныч, ты на что намекаешь? – побледнел Сафрон.
- Да на то и намекаю. Точно не скажу, но сдастся мне, что часики даренные ты себе вернул. И деньги на ремонт разбитой машины тоже...
- Степаныч, ты чего? – вылутился на Кручу Сафронов. – Да я тебе отвечаю, что я в этих делах не замазан. Ты же знаешь, я вообще на такие дела не подписываюсь. Мне гнилуха не нужна...
- А что ты так разволновался?
- Так ни фиги себе! Ты мне дело шьешь, а я что, визжать от радости должен?... Степаныч, ты заметь, я даже не говорю, что у тебя нет никаких доказательств против меня. Я же знаю, что их нет. Знаю, но молчу! Потому что я понты кидать не собираюсь! Потому что я тут в сам деле ни при чем!
- Про доказательства откуда знаешь?
- Так это... их не может быть, потому что я ничего такого не делал. Не выставял я хату...
- Значит, Гунявого работа, – не сдавался Степан. – Какая у тебя доля с навара?
- Да не было никакой доли. И Гунявый здесь ни при чем. Я, если хочешь знать, звонил ему, спросил насчет этой хаты. Он даже знать ничего не знает. А потом он сам звонил, сказал, что хату какие-то залетные выставили...
- А зачем ты ему звонил? Ты ж говоришь, что не собирался помогать Дробышевой...
- Так это ж, интересно было знать, кто мои часики сдернул. Ну, в смысле, те, которые я подарил... Степаныч, ты на меня волком не смотри, не надо. Я тебе слово пацана даю, что я не при делах...
- Ну, если слово пацана, – хмыкнул Степан. – Тогда ладно. Тогда живи... Но учти: если выяснится, что ты все-таки при делах, я тебе все твои грешки припомню! Все, бывай!

Раньше он уходил от Сафрона не прощаясь. Сейчас же он все-таки подал ему руку, которую тот крепко пожал. Стареют они оба, цивилизуются.

– Нет, это не Сафрон, – усаживаясь в машину, сказал Степан.

– Да мне тоже так кажется, – кивнул Эдик. – Вроде бы все сходится – часы подаренные, разбитая машина. И все-таки не он. Хотя кто его знает...

– А если все-таки Сафрон, то все равно хрен что докажешь. Гунявый – вор, он корешей своих ментам не сдает. А Сафрон только через него мог хату выставить...

– Был бы Гунявый замазан, я бы знал, – покачал головой Эдик. – Была бы хоть какая-то информация, а тут глухой лес. Хорошо хоть на Сафрона чуть-чуть слили...

– Ладно, будем ждать, когда краденое всплывет. Там и разберемся...

– А если эта Ника телегу накатает? Типа менты совсем обнаглели, ничего делать не хотят...

– Как это мы ничего не делаем? Вот, Сафрона шуганули. Вообще-то его надо было слегка провентилировать, чисто для профилактики. Но по-любому – пропажу мы искали или нет?

– Да искать-то искали... Но я бы дело не сворачивал. Вдруг эта Ника в самом деле шум поднимет, все-таки журналистка...

– Ну и пусть поднимает. Мы тоже поднимем. Вон Кузькин из «Мегаполиса» с удовольствием за эту тему схватится. Распишет, сколько у Дробышевой любовников, кто они такие. Кстати, заметь: она эту информацию от тебя скрывала, значит, ей по барабану – найдут пропажу или нет... Нет, шум она поднимать не станет. Ну и мы тогда тоже... Короче, не парься. Сколько у тебя таких краж? То-то же!..

– Ну, не скажи, тут особый случай, – усмехнулся Эдик. – Три претендента на один талисман удачи...

– Кстати, где сейчас этот талисман? Давай-ка вызови ее ко мне, я с ней поговорю для очистки совести...

У Савельева был номер ее сотового телефона, он тут же позвонил Нике. И сумел договориться о встрече. Ехать в ОВД она наотрез отказалась, но пригласила Степана к себе домой.

– Это что, деловое свидание? – недовольно спросил он.

Ему эта затея не нравилась. Все-таки девушка красивая, к тому же не самых честных правил, опять же отдельная квартира с роскошной спальней. А у него семья, обязанности перед женой.

– А если не деловое, а романтическое? – подначивая, улыбнулся Эдик. – Я когда с ней говорил, она с таким восторгом отзывалась о тебе: настоящий, говорит, полковник...

– Не юродствуй, майор... Учти, если вдруг что, перед Жанной сам будешь оправдываться.

В принципе, если девушка сама пригласила его к себе, почему он должен отказываться. К тому же ни он, ни Ника не собираются доводить дело до «если вдруг что». Во-первых, не тот случай. А во-вторых, Степан – примерный семьянин. Нельзя изменять жене, если не хочешь, чтобы она изменяла тебе...

2

Ровно в семнадцать ноль-ноль Степан нажал на клавишу звонка. Дверь открыла Ника. Свежая, румяная, волосы чистые, шелковистые, как в рекламе.

– Вы, товарищ подполковник, точны как часы, – мило улыбнулась она.

– Ну так...

– Вы меня, конечно, извините, что я не захотела идти к вам, в милиции так тоскливо... Зато у меня тепло и уютно...

Она провела его в глубь квартиры, показала на кожаное кресло в гостиной.

– Чай, кофе? Или чего покрепче?

– Кофе, если можно. Покрепче нельзя – я за рулем...

– Да я тоже за рулем. Но мне сегодня никуда не надо ехать. Сегодня я весь день дома...

Что это, намек на свободный вечер или просто констатация факта? Степан внимательно посмотрел на Нику. Не похоже на то, чтобы она заигрывала с ним. И наряд на ней отнюдь не сексуальный. Дорогой спортивный костюм, домашние тапочки, стилизованные под кроссовки. Для флирта она бы надела что-нибудь шокирующее. Платье, например, не обязательно короткое, но в обтяжку – при ее фигуре это выглядело бы очень сексуально. Можно было бы надеть домашний халатик с глубоким откровенным вырезом. Но ничего этого нет.

Степан заметил, что в комнате появился телевизор. И не простой, а жидкокристаллический. Ника проследила за его взглядом, слегка смущенно улыбнулась.

– Вот, вчера купила, без телевизора как без рук, или, лучше сказать, без глаз... Да, я понимаю, вас интересует, откуда я взяла деньги? Может, у меня еще один тайник был...

– Если был, почему сразу не сказали?

– Вы же не спрашивали...

– Зато я спрашивал у вас про ваших друзей. Вы сослались на какие-то тайны...

– Это не какие-то, а мои личные тайны...

– Вероника, вы должны понимать, что я интересуюсь вашей жизнью не из праздного любопытства. Вот вы не сказали мне, что у вас были отношения с господином Сафроновым. А ведь он запросто мог навести воров на вашу квартиру...

– Кто, Сафронов?! Воров?! Вы шутите?.. Зачем ему это? У него и без того денег куры не клюют... А откуда вы про него знаете? Ах да, вы, наверное, наводили справки...

– Ну вы же хотите, чтобы мы нашли пропажу. И мы этого хотим. А наводить справки – это наша работа... Кстати, Сафронов подарил вам часики «Шопард», вспоминаете? Думал, на удачу. А вышло, на беду. Машину он разбил... Выходит, что вы, Вероника, не его талисман...

– Может быть, я не знаю...

– Зато вы приносите удачу другим людям. Например, господам Будякину и Брайнину...

– Вы и это знаете, – смиренно вздохнула Ника.

– А вы не думайте, что милиционеры глупее журналистов...

– Да я и не думаю.

– Да, задали нам работы, Вероника Сергеевна. Могли бы сразу рассказать про своих друзей. А то какие-то тайны... Любят они вас, Вероника. Вижу, что любят. Кто из них телевизор купил?

– Борис, а что? – с вызовом спросила Ника.

– Ну вот, вы уже злиться начинаете. А чего злиться, не знаю. Друзьями гордиться надо, а вы их стесняетесь...

– Кто вам такое сказал, что я их стесняюсь. Да, у меня есть друзья. И я ими в самом деле горжусь!

– Вот и замечательно... Жаль, что я не могу обойтись без неудобных вопросов. Работа такая... Насколько мне известно, вы дружите сразу и с Будякиным и с Брайниным одновременно. В смысле, встречаетесь то с одним, то с другим...

– Вы хотите знать, как я к этому отношусь?

– Нет, я хочу знать, как к этому относятся они. Они знают друг про друга?

– Ну, вообще-то знают...

– Не думаю, что они в восторге друг от друга.

– Я тоже так не думаю, – совсем невесело улыбнулась она. – Но что есть, то есть...

– Между вашими друзьями не было стычек?

– Ну что вы, они же люди цивилизованные. К тому же у Сергея режим работы очень удобный. Ну, для меня во всяком случае. Две недели в Новороссийске проводит, там у него дом, терминалы, танкеры. И семья тоже там. Потом он сюда приезжает. Когда на неделю, когда

на две. А пока его нет, я с Борисом встречаюсь. И то не каждый день. У него еще одна любовница есть. Дифференциальная.

– Это как?

– Да очень просто – сегодня одна, завтра другая. Только я у него постоянная. Потому что я ему удачу приношу. И вообще ему хорошо со мной...

– Извините за нескромный вопрос: вы у кого гостили в ту ночь, когда вас обворовали? У Сергея или у Бориса?

– Когда Сергей приезжает, я у него обычно ночую. А Борис ко мне сюда ездит. Как бы на правах хозяина. Он же мне эту квартиру подарил. Я раньше с родителями жила, здесь, в Битове. А тут такой подарок. Борис хотел в Москве мне квартиру купить, но я отказалась, мне и здесь хорошо...

– Это хорошо, что вы любите наш город. Но на вопрос вы так не ответили. Где вы были ночью, когда вскрыли вашу квартиру.

– А-а, это... – замялась Ника. – Да у подруги была...

– А чего так неуверенно?

– Да сама не знаю, зачем я к ней поехала. Встретились, разговорились. Ну, она меня к себе пригласила, на чашечку кофе. А потом вдруг мартини появилось. А я мартини обожаю, могу хоть... В общем, это неважно...

– А что важно?

– Да то, что я только утром от нее уехала, то и важно...

– А что за подруга? Если можно, расскажите о ней поподробней.

Подруга запросто могла оказаться наводчицей. К тому же и прямой соучастницей. Пока она держала Нику дома у себя, ее сообщники вскрыли ее квартиру.

– Да что рассказывать. Аида ее зовут. Вообще-то ее зовут Аделаида, но нам это имя не нравилось, да и ей, кстати, тоже. Вот она его и сократила. Была Аделаидой, а стала Аидой, так вроде ничего...

– И давно вы знакомы с этой Аидой?

– Еще с института. Мы с ней в одной группе учились. Сама она откуда-то из-под Твери. Хорошая девчонка, только колхоза в ней было много. Мы с Тонькой шефство решили над ней взять – ну, чтобы она городской побыстрее стала. И знаете, мы ее быстро обтесали. Она все наши столичные примочки-заморочки на лету схватывала. Вообще, хорошая девчонка. Умница, красавица, спортсменка... чуть «комсомолка» не сказала... Комсомола-то уже давно нет, а то, что красавица и спортсменка, – это было. Только счастья ей это не принесло...

– Чего?

– Да она сколько училась, все одного перца любила. Упакованный такой мужичок, на «Хонде» ездил. Но Аида его любила. Бегала за ним как собачка. У него жена, дети, говорят, любовница была. И еще Аида ко всему этому. Самой смешно – сам он никакой – маленький, тощий, ни рожи, как говорится, ни кожи. И Аида его такого любила. Мало того, он-то ее и за человека не считал. Хочет – встречается с ней, не хочет – месяцами где-то пропадает. Как зачешется, снова звонит ей, куда-нибудь в номера зовет. Аида счастливая была после таких встреч. Мы ей говорили: дура, опомнись, он же тобой пользуется. А она: нет, девочки, он на мне скоро женится... Представляете, три года за ним бегала как собачонка. Столько парней классных мимо себя пропустила. А потом ее сморчок в аварию попал, что-то у него там с позвоночником было. Жена его бросила, забрала ребенка и тью-тью, вроде бы с каким-то хахалем куда-то уехала. В общем, Аида к нему переселилась, выхаживала его, дерьмо из-под него выгребала. Учебу забросила, еле-еле на тройки сессию сдала, но сдала. Целый год она за ним ходила. И выходила. Поправился мужик, на ноги встал. Ну а потом, как говорится, за пирок да за свадьбку...

– Ну вот, а вы говорите, счастья у Аиды не было.

– Да какое там счастье, он же не на ней женился. На какой-то колоде женился. Аида же, как всегда, в пролете. Он ее еще, гад, успокаивал, мол, все равно встречаться с ней будет...

– Она далеко его послала?

– Да послала. Институт закончила и уехала из Москвы, к себе в Тверь подалась. А могла и в Москве устроиться. Не захотела. Из-за этого перца все... Я всегда говорила: мужикам доверять нельзя. Они нами пользуются, и мы должны ими пользоваться... Э-э, кажется, меня не туда понесло, – виновато улыбнулась Ника.

– Да, сволочной мужик попался, козел по жизни, – осуждающе качнул головой Степан.

– Кстати, его потом сам бог наказал... Мне потом Тонька рассказывала, этот случай через ее газету проходил. В общем, этот козел... Петр его звали, что ли. Фамилию не помню: то ли Гладышев, то ли Катышев, а может, Гадышев. Короче говоря, он с женой поругался. И та его ножом пырнула. Прямо в сердце попала, мгновенная смерть. Ну а потом таблеток каких-то наглotalась и за ним, транзитом, на тот свет...

– Значит, убила мужа, а потом наложила на себя руки. Да, такое бывает...

А бывают еще и другие случаи. Петра Гадышева могла убить та же Аида. А чтобы замести следы, она накачала снотворным его жену и свою соперницу. Предположение чисто гипотетическое. Но в практике Степана однажды был такой случай. К тому же у оскорбленной девушки был мотив.

– Вы говорили, Аида спортом занималась, – напомнил он.

– Да, занималась. Спортивное многоборье какое-то. Бег там, плавание... стрельба пулевая, вот... рукопашный бой, кажется... еще там что-то, не помню...

– Стрельба пулевая – это интересно, – озадачился Степан. – Рукопашный бой...

– Да, стреляла Аида здорово. И карате занималась. Вроде бы бой-баба, а тихая, спокойная, мухи не обидит. Сейчас она уже не такая...

– А какая?

– Сейчас она разбитная бабенка, курит, как паровоз, но такая же красивая, только грубоватая – но это не колхоз, это Чечня...

– Чечня?!

– Ну да, она в Чечню часто ездит. Она же журналистка. Кстати, она под псевдонимом печатается – Марина Живалова, может, слышали: ее статьи про Чечню в разных газетах выходят, в том числе и в центральных...

– Да нет, не слышал, – покачал головой Степан. – Статьи-то, может, и читал, но я обычно не смотрю, кто их пишет. Другие смотрят, а я – нет, не знаю, почему... Марина Живалова, говорите...

– У вас такой вид, как будто вы ее в чем-то подозреваете, – укоризненно посмотрела на него Ника.

– Да нет, какие подозрения? Девушка в Чечне бывает, жизнью своей рискует, за это ее уважать нужно... Просто поначалу мысль одна нехорошая всплыла. Может, думаю, это Аида своего козлика зарезала?

Он говорил с юмором. Что развеселило Нику.

– Нет, Аида его не трогала, – улыбнулась она. – Во-первых, она бы его застрелила, у нее же разряд по стрельбе. Или пяткой в лоб – «кия!». Она ж каратистка... Шучу, конечно. Тогда она спокойная была, мухи, говорю же, не обидит... К тому же, когда ее козлика зарезали, Аиды в Москве уже не было...

– Тогда она спокойная была, – повторил Степан. – А сейчас что, уже беспокойная?

– Я же говорила вам – грубая она какая-то стала, разухабистая, гусар в юбке. Это ее Чечня такой сделала...

– Понятно. И еще один вопрос, раз уж мы говорим о вашей подруге. В ночь, когда вас обворовали, вы ночевали у нее. Где именно?

– Здесь, в Битове. На улице Горького...

– И давно она в Битове живет?

– Нет, недавно... Она сама меня нашла, это еще где-то с месяц назад было. К родителям моим приехала, они мой адрес ей дали, в общем, встретились. Аида сказала, что решила в Москве осесть, Чечня, говорит, надоела, в Твери никакой перспективы, и вообще зря она из Москвы после института уехала. Спросила, нет ли у меня каких связей – ну, чтобы на работу устроиться, в газету там какую-нибудь. Я с работой ей помогла. «Вечерний звон» не ахти какая газета, но лучше что-то, чем ничего...

– А сама она работу не могла найти? Ее же статьи в центральных газетах печатались...

– Ходила она в эти газеты. Теплых мест нет. Есть только места соборов, ну, например, в той же Чечне. А она этой Чечней по горло сыта. Да и собор – это не серьезно... Кстати, я ей и с жильем помогла. Тетка моя двоюродная квартиру однокомнатную сдает, так я ей Аиду сосватала. Ремонт, мебель, телефон, все удобства само собой. И за все про все – двести пятьдесят долларов в месяц. Попробуй в Москве за такие деньги квартиру сними. А у нас красота, Аида в восторге, и до Москвы рукой подать. Тем более что квартира возле жэдэ-вокзала. Сел на электричку и поехал...

– И все равно, двести пятьдесят долларов в месяц – это не так уж и мало. Как у Аиды с деньгами?

– Да говорит, что есть. В Чечне, говорит, много заработала...

– Как много?

– Этого я не знаю. А вы почему спрашиваете?... Вы что, думаете, это Аида меня обворовала?

– Я ничего не думаю, – покачал головой Степан. – Пока что я просто спрашиваю. Насколько я понял, дома она у вас была.

– Была, конечно... Да нет, это не она. К тому же, когда меня обворовали, мы с ней спали... Э-э, с ней мы не спали. Черт, что я такое говорю?... Мы с ней на одном диване спали, но ничего не было. Пьяные мы были, это точно. А то, что ничего не было, это еще точнее... Вы не думайте, я не оправдываюсь. Просто вспоминаю... Ох, и напились мы тогда...

– Вечером вы с Аидой пили, а утром со мной разговаривали. Я не заметил, что вы с похмелья.

– Так мы ж мартини пили, какое после него похмелье? Я иногда, если утром рано вставать, коктейль на ночь себе сделаю – так легко просыпаться, и голова ясная, сама как огурчик...

– Да, насчет огурчиков. Аида сама живет или с кем-то? Друзья у нее в Битове есть?

– Ни здесь, ни в Москве. Устала, говорит, от компаний. В Чечне там постоянно вокруг нее мужчины крутились, куда-то приглашали. А она не всегда отказывалась...

– Какие мужчины крутились?

– Как это какие – военные, само собой. Там же одни мужики, а женщин – раз-два и обчелся. Да вы и сами, наверное, знаете. У вас же бывают служебные командировки в Чечню...

– Бывают, – кивнул Степан. – Но мне как-то не предлагали, а сам я не напрашивался. Не был я в Чечне...

Ему стало как-то неловко. В принципе он должен был в Чечне побывать, хоть раз, но побывать. А не сподобился. Жалеть он об этом не жалел, но все равно не по себе как-то стало. Даже показалось, что Ника смотрит на него с осуждением. Вроде бы он и не боевой офицер...

А она в самом деле смотрела на него с укором. Сам в Чечне не был, а ее подругу подозревает, которая там была... Нехорошо как-то получается. Тем более что вряд ли Аида причастна к краже. Алиби у нее есть, друзей-сообщников не просматривается. Да еще к тому же она человек заслуженный... Пожалуй, он должен оставить ее в покое.

– Ника, поймите, я же неспроста интересуюсь вашими друзьями. Вашу квартиру брали по наводке, это даже не вызывает сомнений. Действовали профессионалы. Как вы сами думаете, кто мог навести воров на вашу квартиру?

– Да я уже думала об этом. И никого не нахожу, – пожала она плечами. – Сергей не мог, Борис тоже...

– Почему вы так думаете? То, что у них есть деньги, это еще ни о чем не говорит. Есть люди, которых на преступления толкают эмоции. Вот взять того же Сергея. Он мог приревновать вас к Борису и на вас же отыграться. Или наоборот: Борис приревновал, он же и отыгрался...

– Это исключено. Сергей и Борис – люди практичные. Если бы они шли на поводу своих эмоций, они бы никогда не добились того, что имеют... Нет, нет, они здесь ни при чем...

– Тогда я не знаю, что думать. Преступники действовали грамотно, улики после себя не оставили. Никто ничего про них не знает. Краденые вещи не всплыли... В общем, расследование дела крайне затруднено. Одна надежда на вас. Но и вы ничем не можете нам помочь...

– Что, в тупик следствие зашло? – понимающе, без всякой злой иронии улыбнулась Ника.

– Выходит, что да.

– Что ж бывает. Да вы не волнуйтесь, я же вижу, что вы стараетесь найти преступника...

Сейчас она смотрела на него с подвохом. Давала понять, что знает причину, по которой Степан проникся к ней таким участием. Пера ее журналистского боится... Ошибается она. Но переубедить ее невозможно. Да никто и не собирается ее переубеждать. Пусть думает, что он ее боится, от него не убудет.

– Если стараюсь, то найду. Только не факт, что это случится завтра или послезавтра. Может, уйдет месяц, может, два, а может, и год. Но рано или поздно преступник попадется...

– Понятно. Когда он попадется, от моих денежек останется одно воспоминание... Ладно, сама виновата. Надо было квартиру на охрану ставить. Боря, кстати, мне об этом говорил, да руки у меня как-то не доходили... Ничего, деньги – дело наживное. Главное, что сама жива-здоровая. Я слышала, что домшники сейчас на хозяев квартир нападают. И даже убивают...

– Бывает и такое, – кивнул Степан.

– Так что, считай, Аида меня спасла. Была бы я дома, еще бы и убили... Да, товарищ подполковник, такая у меня натура – во всем плохом стараюсь найти хорошее. Деньги потеряла, зато жива осталась. И еще с вами вот познакомилась...

Ника кокетливо повела бровью, в глазах вспыхнули шаловливые огоньки. Она даже не шелохнулась, как сидела в кресле, так и осталась сидеть. Но внутренне подалась к Степану. Ему даже показалось, что сейчас она поднимется со своего места, подойдет к нему, нежно проведет рукой по волосам, сядет к нему на колени. Но этого не случилось.

Если она и ожидала от него решительных действий, то он ее разочаровал. Дома его ждет жена, и он едет к ней, а Ника пусть отдыхает... К тому же страдать она не будет. С ее красотой и предприимчивостью найти мужика на ночь – раз плюнуть...

Глава третья

1

Сафрону нравилась его жизнь. В криминальном мире относительно все спокойно, дикие законы стремительно уступают место более-менее цивилизованным отношениям. Братва предпочитает решать проблемы мирным путем, беспредела все меньше и меньше. Правда, в любом случае вероятность нарваться на киллерскую пулю еще существует. Но у Сафрона нет таких конкурентов, которые способны были бы пойти на крайние меры. Так что жизнь у него спокойная, в удовольствие.

Он всерьез занимался бизнесом, вкладывал деньги в индустрию развлечений – казино, ночные клубы, прочие досугово-увеселительные заведения. Не скупился на рекламу, призывающую проводить время в свое удовольствие. Сам же и откликался на этот призыв. Благо было где оттянуться. В том же «Реверсе» у него была VIP-сауна для индивидуального, так сказать, пользования. В нее он мог попасть как через общий зал, так и спуститься на лифте из собственного кабинета.

Утро он начинал с плотного завтрака, затем – дела, легкий обед, отдых, потом тренажерный зал. А после – банька, где он не только расслаблялся, но и обставлял кое-какие дела. Но сегодня дел никаких нет. Сегодня у него чисто отдых. Парилка, бассейн, пиво, раки, бильярд. Девочек нет, надоели. Только мальчишки. Но вовсе не для секса. Чисто для общения. С ним только верные братья по волюне. Сейчас они – бизнесмены, но есть о чем вспомнить, поговорить, дружанов покойных помянуть – тем более что Сафрона сегодня тянуло на сантименты...

Он пару раз погрелся в парной, сполоснулся в бассейне, сыграл партейку в бильярд, употребил пивка. Настроение клевое, кровь заиграла в жилах как молодое вино. Может, девочек организовать?

Сафрон задумался над этим чисто житейским вопросом. Но не успел дать на него ответ. Помешали. В трапезную вломился его телохранитель и сказал, что пожаловал гость.

Это был Гунявый, смотрящий по городу, недавно поставленный московскими ворами. Ничего пацан, еще тридцатника нет, а уже две ходки на зону. Жесткий, резкий, взрывной. Но при всех своих достоинствах отлично понимает, что без Сафрона он в этом городе никто и зовут его никак. А Сафрон с ворами ссориться не хочет, поэтому Гунявого привечает, по возможности помогает решать проблемы. Но и развернуться особо не дает. Угоны машин, кражи, кидалова – все чисто по строго установленному лимиту. Сафрон кровно заинтересован в том, чтобы в городе был порядок. Разгул преступности бьет и по спокойствию, и по карману. У него же здесь бизнес, да еще Круча со своими наездами... Хвала Гунявому, он все прекрасно понимает, поэтому держит своих в узде.

Гунявый вошел в трапезную уверенным шагом. Прикид у него нехилый – черные отутюженные брюки, белая водолазка, кремового цвета кожаный пиджак. Сытная жизнь уже отшлифовала покрытое лагерным налетом лицо. В общем, все цивильно. Еще бы зуб керамический на место золотой фикса вставить, но Гунявый на это не идет – фикса для него что-то вроде талисмана, как и татуированные перстни, закрытые золотыми печатками.

- Какие проблемы, братан? – по-барски вальяжно спросил Сафрон.
- Да это у тебя, говорят, проблемы, – ухарски сверкнул фиксой Гунявый.
- Это ты о чем? – нахмурился он.
- Часики у тебя какие-то пропали, да?
- Какие часики? – не понял Сафрон.
- Ну эти!

Гунявый достал из кармана и выложил на стол золотые часики. Те самые «Шопард», которые были дарены Нике.

– Узнаешь?

– Где ты их взял? – спросил Сафрон.

– Счас...

Гунявый взял откупоренную бутылку холодного пива, припал к горлу. Смачно отрыгнул газы, закурил.

– Я же говорил тебе, что это не наши пацаны хату бомбанули.

– А выходит, что ваши, да?

– Да нет, не выходит... Короче, мы одну метелку с этими котлами накрыли. Эта воровайка их в ломбард заложить хотела. А я Гомера на это дело на всяк случай настропалил. Видишь, рыбка клюнула. Ну, Гомер мне и маякнул, а я там рядом с пацанами был...

– Что за метелка?

– Да левая какая-то. Короче, мы ее замели, к тебе привезли. Если хочешь, сам с ней побазарь. Хочешь, мы с ней побазлаем... Да, телка, скажу тебе, нехилая, есть на что посмотреть...

– Так чего ты тянешь кота за яйца? – осклабился Сафрон. – Давай сюда ее тащи, побазарим типа на досуге...

Гунявый дал отмашку, и два бойца из его свиты втащили в трапезную воровайку. И в самом деле телка была нехилая. Нерусская, типа, азиатка, но на мордашку более чем смазливая. Смуглая бархатистая кожа, аккуратный носик, обалденно красивые глаза – большие, миндалевидные. А фигурка... Под красным кожаным пиджачком угадывалась тонкая талия, ножки ровные, длинные, туго затянуты в джинсу, полусапожки на высоком каблуке.

– Откуда ты такая взялась? – вполне миролюбиво спросил Сафрон.

– Откуда привезли, оттуда и взялась, а что? – с вызовом спросила красотка.

Всем своим видом она давала понять, что не боится ни Сафрона, ни его громил.

– Часики где взяла?

– Купила.

Гунявый молча махнул в ее сторону рукой. Типа врет баба.

– У кого?

– В магазине. Может, еще товарный чек спросишь?

Как это ни странно, ее бравада нисколько не злила Сафрона, даже не раздражала. Скорее, заводила. Он чувствовал, как приливает кровь к клапану главного штуцера.

– Какой товарный чек? Это мои часики. Их у меня украли.

– Ах какая жалость...

– Жалость у меня между ног. Короче, ты бы не кочевряжилась, крошка, а то можешь плохо кончить...

– В каком смысле?

– А во всех смыслах. И во всех позах.

– Нашел чем пугать! – хмыкнула азиатка. – Может, я люблю кончать...

Говорила она бойко, на русском без всякого акцента. Даже московский говорок присутствовал.

– Я тоже, – осклабился Сафрон.

– Так в чем же дело. Банька у тебя отменная, как я погляжу. А я чистоту люблю, да и от пивка бы не отказалась...

– Смотри, какая шустрая... Ты от базара не уходи, поняла? Часики откуда, говори?

– А если не скажу, что сделаешь?

– Без горячего оставлю.

– Как страшно!.. Ладно, скажу. Со мной этими часиками расплатились.

– Кто?

– Да парень один.

– Кто такой, как зовут?

– Ну ты прям как следак ментовской! – развеселилась девчонка.

– Заткнись!.. Кто тебе котлы эти впарил?

– Да я не знаю... Ты вот трахнуть меня собираешься... или нет?

– Или да...

– Так вот, трахнуть хочешь, а как зовут, не говоришь. Так и он не сказал, кто он такой.

Ну, Слава зовут, больше я про него ничего не знаю...

– Он тебя трахал?

– Нет, за красивые глазки часики подарил, – фыркнула азиатка. – Он у меня три дня жил. Часики, говорит, дорогие, так что я еще в долгу перед ним осталась. Сказал, что еще как-нибудь наведается...

– Ты проститутка?

– Ну зачем так грубо, фу! – жеманно поморщилась она. – Я в институте учусь, ну, и *это*, иногда, по возможности... В общем, могу и с тобой погулять. Если часики вернешь...

– Ага, держи карман шире! – ухмыльнулся Сафрон.

– И очко тоже! – хохотнул Хамчик.

Неспроста у него такая кликуха.

– Какие вы грубые, ужас! – Девчонка театрально закатила глазки.

– Ну зачем – грубые, мы можем и нежно...

Она завела Сафрона на все обороты. Ну чисто виагра, а не баба... Сил больше не было терпеть.

– Чистоту, говоришь, любишь. Пошли, я тебе спинку потру...

– Почему бы и нет? – Азиатка расплылась в дьявольски довольной улыбке.

И как ни в чем не бывало принялась раздеваться на глазах у толпы. Гунявый окатил ее презрительным взглядом. Типа шлюха она конченная, а не воровайка... Но Сафрону было плевать, кто и как о ней думает. Эта бестия раздраконила все чувства и все остальное. Он с похабным воодушевлением наблюдал, как та расстается с одеждой. А она умела это делать. Сначала скинула куртку, стащила топик, избавилась от лифчика. Тело у нее молодое, знойное, груди – супер. Затем она снова накинула куртку и тут же поспешила избавиться от полусапожек и джинсов. Движения плавные, но быстрые. И от одежды она избавлялась быстро, привычно. Шлюха. Но ведь Сафрон не собирался на ней жениться. Он даже не спрашивает, как ее зовут. А на фига?

Девчонка разделась, с блудливой улыбкой на губах закрыла ладошкой свой аккуратно подстриженный «пуховичок», другой рукой закрыла грудь. Типа стесняется. Хотя совсем не прочь отработать групповичок. Пацаны смотрят на нее, истекают слюной. Как бы не захлебнулись.

Сафрон поднялся с места, взял чистую простыню, протянул девчонке. Пусть закроется, чтобы затем оголиться вновь, но уже для него одного...

Азиатка взяла простыню, и в это время в трапезную влетела Ленусик. Это был самый настоящий гром среди ясного неба.

– Та-ак! – яростно протянула она, глядя на шлюху. Перевела взгляд на Сафрона, брови грозно сошлись на переносице. – И как это называется?

В этой жизни Сафрон боялся только двух людей. Подполковника Кручу и свою собственную жену. Но с ментом понятно. А Ленусик... Когда-то он замутил с ней, потому что нужно было с кем-то мутить. Девчонка она красивая, сексуальная. Но таких много – во всяком случае, так он думал пять лет назад. Одно время он даже хотел послать Ленусика туда же, куда до этого посылал всех своих подружек. Хотел, а потом перехотел. Она захватила его, с головой и всеми остальными частями тела втянула в свою сексуальную орбиту. Какой-то период времени

он даже смотреть ни на кого не мог. Затем малость поостыл, перекинулся на других баб. Но Ленусик своим чертовским обаянием держала его за яйца. Он ей изменял, но всегда возвращался к ней, потому что прекрасно понимал: все остальные бабы лишь приправа к вкусному сочному блюду. Так и живет он с ней до сих пор...

– Это разврат, дорогая, – виновато развел руками Сафрон. – Самый обыкновенный разврат...

– А как будто я не знала, чем ты здесь занимаешься! – Ленусик высоко вскинула голову, уперла руки в бока, отставила в сторону ногу.

Когда она в такой позе, нужно держать ухо востро. Может и лягнуть – или ручкой промеж глаз, или ногой промеж яиц. Впрочем, волноваться не стоит. На людях Ленусик руки не распускает.

– А чем я занимаюсь? Я разврат предотвращаю, между прочим... Представляешь, ворвалась тут эта, голышом! С Хамчиком вот, говорит, перепихнуться хочу. Правда, Хамчик?

– Святая правда, Елена Павловна! – Хамчик поднялся со своего места, театрально приложил руку к груди, склонил к ней голову.

– А ты же сама знаешь: я разврат на рабочем месте не приветствую. Сам лично взял простыню, чтобы вручить этой... даже не знаю, как ее назвать...

– Пошла отсюда, шалава! – шикнула на азиатку Ленусик. – А ты со мной!

Она мотнула головой, увлекая Сафрона за собой. Пришлось идти.

Они зашли в комнату, откуда на лифте можно было подняться прямо к нему в кабинет. Сафрон набрал код, дверцы лифта раскрылись, и они с Ленусиком зашли в кабинку. Через семь-восемь секунд они входили в его кабинет. То, что он был в банной «тунике», его абсолютно не смущало. Здесь у него была целая гардеробная комната. Жить нужно с шиком. И в мире с любимой женщиной.

– Что, на свежую капустку козлика потянуло? – хищно сощурилась Ленусик.

Она догадывалась, что Сафрон собирался сделать с восточной красавицей. Ее не проводил.

– Честное слово, это последний раз! – А он и не стал оправдываться.

– Честное китайское слово? – гневно усмехнулась она.

Ленусик была жуткой ревнивицей, на этой почве – скандал за скандалом. Но, как ни странно, эти скандалы лишь сильнее привязывали его к ней. Сафрон не считал себя мазохистом, но в случае с Ленусиком он готов был терпеть ее взрывы ревности. Наслаждаться ими он не наслаждался, но всякий раз после такого скандала в нем самом что-то взрывалось, и тогда он, как правило, налетал на нее как одержимый...

– Я не слышал про честное китайское слово. Я знаю, что у китайцев есть последнее китайское предупреждение...

– Так вот, я тебя предупреждаю!..

Вот это и было последнее китайское предупреждение. Но Сафрон не дал Ленусику договорить.

– А еще у китайцев есть палочки, – похотливо осклабился он. – Но я-то русский. И палочка у меня одна. Зато какая!

– Какая?

Ленусик вмиг забыла о несостоявшейся измене. Взгляд ее затуманился, губки затрепетали, руки потянулись к его «тунике», сбросили ее на пол. Сафрон тоже не зевал. Резким движением разорвал блузку, зубами сорвал ее же расстегнутый лифчик. Развернул ее к себе задом, животом уложил на стол, задрал юбку, под которой ничего – только жаркая тесная нирвана... Да, пожалуй, с азиаткой ему бы не было так хорошо, как с этой стервой...

Ленусик надрывно стонала под ним, виляла бедрами, ногтями царапала столешницу. А Сафрон гнал коня как одержимый. И готов был мчаться дальше сколько угодно... Но его «конь»

натер «ногу», споткнулся и в затяжном полете рухнул на мину. Сафрон взорвался вместе со своей женой, после чего они долго приходили в себя.

– Легче стало? – с милой насмешкой спросила она.

– Легче. И хорошо. А что?

– Ничего.

– Тогда все!

Он отстранился от нее, поднял с пола простыню, завернулся в нее, упал в глубокое кресло. И в это время в дверь забарабанили.

– Оба-на! Что за чешуя! – встрепнулся он.

Уж не Круча ли это нагрянул?..

Но в кабинет к нему ломился не Круча. Это был насмерть перепуганный охранник из штатной obsługi. Сафрон сдуру подумал, что на пару с Ленусиком устроил землетрясение, отчего обвалилась половина здания. Но, к сожалению, все оказалось куда серьезней...

2

Степан выходил из своего кабинета, когда перед ним вырос Федот. Глаза блестят, на лице печать озадаченности.

– Степаныч, там только что звонили. Пальба в «Реверсе», вроде трупы есть...

– Так это же Сафрона контора, – нахмурился Степан.

– Так в том-то и дело.

«Реверс» находился минутах в десяти езды от здания ОВД, но это если соблюдать правила уличного движения. Степан же очень спешил, поэтому решил отбросить в сторону церемонии. Выставил на крышу мигалку, врубил ее на полную мощность и – вперед, на красный свет. До клуба он добрался всего за три минуты.

У парадного входа суета. И в вестибюле есть люди – живые и мертвые. Степан насчитал сразу три трупа. Два охранника в строгих костюмах и девушка с бейджиком на лацкане расстегнутого пиджака. На белой блузке пулевые пробоины, расплывшиеся пятна крови. Три ранения – две пули в грудь, одна – в брюшную полость. Охранники тоже были расстреляны автоматной очередью. Федот насчитал девять пулевых ранений на двоих. Но это был быстрый, поверхностный подсчет. Возможно, дырок было и больше. Впрочем, не так уж и важно, сколько пуль выпущено в охранников, ведь никакая операция их уже не спасет.

Но это было еще не все. Кровавый след тянулся до VIP-зала с бассейном. Там обнаружился труп еще одного охранника. Он плавал в воде лицом вниз, широко раскинув руки. Увы, но и это было далеко не все. Персональная сауна господина Сафронова под завязку была забита трупами. В маленьком, некогда уютном тамбуре-холле обнаружилось сразу четыре трупа. Два сафроновских телохранителя – этих перцев Степан знал в лицо. И еще два парня. Одного он узнал – боец из свиты местного смотрящего. И второй, видать, оттуда же.

Самого Гунявого он обнаружил в трапезной зале. Смотрящий лежал на спине с дыркой во лбу и злобно скалился на дощатый потолок. Его фикса тускло отбрасывала свет галогенной лампы. Там же, на полу, валялись еще два мэна, закутанные в дырявые и окровавленные простыни. Напарились мальчики...

Одиннадцать трупов и ни одного раненого. Профессионально работали киллеры, богатый урожай собрали.

Степан обошел всю сауну. Трупов больше нигде не наблюдалось. Похоже, при всем своем профессионализме киллеры облажались. Если они охотились за Сафроном, то цели своей не добились. Авторитета среди убитых не обнаружилось.

Степан распорядился выставить оцепление, экспертно-криминалистическая группа приступила к работе. Нашелся и Сафрон. Оказывается, он находился в своем кабинете под охра-

ной вооруженных секьюриков. Мудрое решение с его стороны. Он уже понял, какую опасность представляет его враг, поэтому и заперся в своих служебных апартаментах. Но вместо киллеров к нему вломился Степан Круча. Сафрон обрадовался ему как родному. Показал на початую бутылку коньяка.

– Будешь? – чуть ли не просительно предложил он.

Степан отрицательно мотнул головой.

– Что, на службе не пьешь? – подавленно вздохнул Сафрон. – Или со мной запахло выпить?

– А что это у тебя за радость такая, коньяк жрать?

– Да какая, на хрен, радость! – пьяно махнул рукой авторитет. – Там такое мочилово... Это я с горя пью...

– А может, это не горе, а паника?

– Может, и паника, – не стал хорохориться Сафрон. – Там же жмуров немерено, пацанов моих положили, Гунявого. Я как увидел, так волосы дыбом... Какая ж падла могла это сделать?

– А вот это я у тебя хотел спросить.

– Так если б я знал... Вот сижу, думаю, а в башку ничего не приходит. Ну есть у меня трения с одним человеком, но так он бы на мочилово ни в жизнь не пошел...

– Что за человек?

– Он у меня «Опал» хочет выкупить, а я ему болт по всей морде... Медведев фамилия, Яков Юрьевич. Фуфло, короче. Он и в страшном сне бы на меня лапу свою не поднял. Я бы сам его, если что, сожрал бы... Нет, не мог он на меня наехать, не тот он человек...

– Тогда кто?

– Да вот думаю, думаю... Слушай, Степаныч, а может, этим сукам Гунявый был нужен?

Степан внимательно смотрел на Сафрона. Не похоже, чтобы тот ваньку валял. Видимо, он в самом деле не понимает, кто мог наехать на него по такому беспределу. Шутка ли – одиннадцать трупов, давно Степан не сталкивался с такими масштабными убийствами.

– А сам ты как думаешь?

– Да вряд ли, – пожал плечами Сафрон. – Гунявый погоды никому не делает, так себе, король без королевства...

– Скорее всего, за тобой охотились, – предположил Степан.

– Так в том-то и дело, что за мной. А кто охотился, не знаю...

Сафрон нервно забарабанил пальцами по столу.

– Но тебя же не достали.

– Ха! Спасибо Ленусику!.. Прикинь: я на бабу хотел залезть, а тут Ленусик, ну, ты же знаешь, какая она у меня злюка. Ну все, думаю, хана мне. А вышло как раз наоборот. Ленусик меня на разборки дернула, ну, мы ко мне в кабинет поднялись, на столе вот мириться стали. Пока мирились, там все и случилось. Выходит, Ленусик меня спасла... Вот кто мой талисман, а не какая-то там Ника!.. А-а, да, ты знаешь, кого я поиметь собирался, а? Бабу, которая часики у Ники смыла, понял!..

– Так, не понял, – нахмурился Степан.

– А если понял, то не так... – осклабился Сафрон.

Похоже, присутствие ментов вселило в него уверенность, раздухарился битовский пахан. Или просто битый пахан...

– Короче, как все было. Я ж говорил тебе, что через Гунявого насчет часиков пробивал? Говорил. Так вот, нашлись часики. Баба одна их в ломбард сдавала – ну, который Гомер держит, ты его знаешь...

Прохиндей по кличке Гомер когда-то был барыгой по части скупки краденого товара. Но уже лет семь-восемь прошло, как он легализовался, сейчас держит ломбард. Но краденое к

нему по-прежнему несут. У Степана на этой лавке «сторожок» стоял. Но, как оказалось, воры просекли фишку раньше, чем он.

– Короче, Гунявый бабу замел, ко мне свез, – продолжал Сафрон. – А я в это время с пацанами в сауне оттягивался. Ну, пиво там, раки, а баб, чтобы раком, не было, да. А тут эта азиатка...

– Какая азиатка?

– Ну, которую Гунявый приволок... А, я ж не сказал, что она не русская. Откуда-то из Средней Азии. Ну, в смысле, по национальности там. Но я тебе скажу: она не чурка. Типа, обрусевшая, да. Базарит ну чисто москвичка, а шустрая...

– Ты с ней разговаривал?

– Насчет часиков? Ну да, для этого ее и притащили. Мы думали, что это она часики смыла. Да в принципе так оно, может, и было. Но сама она сказала, что с ней какой-то чувак этими котлами расплатился. Да она конкретная марамойка, ну, в смысле, шлюха, да. Я ей говорю, давай, типа, раздевайся, так она без проблем штаны сняла. Осталось только загнуть, да тут Ленусик...

– А загнуть – это что, методы допроса? – жестко усмехнулся Степан.

– Ну а че, у меня такой крючок, что любую правду-матку вытащит, ну, в смысле, вместе с маткой... – похабно ощерился Сафрон.

– Ты за базаром следи, не с Ленусиком своим базаришь, – полыхнул взглядом Круча. – А то смотри, как бы сам на крючок не нарвался...

– Э-э, Степаныч, ты че? – напрягся авторитет. – Я ж не со зла, да... И вообще я же для тебя старался. Ты же часики ищешь, вот я их и нашел, ну, в смысле, мы с Гунявым их нашли...

– И где часики?

– Так это, не знаю. Я их на столе оставил. Может, и сейчас там лежат. Сам понимаешь, тут такое, что не до них...

– Не до них, это да, – согласился Степан. – Ты про азиатку говорил, а где она? Я видел одну убитую девушку, но она из персонала и русская к тому же. А никакой азиатки я не видел...

– Ну да, и я не видел. Я когда с Ленусиком уходил, она в сауне оставалась... Может, это, ноги сделала?

– Киллеры убивали всех, кого видели. Если б она попала под руку, ее бы тоже убили...

– Ну так она спрятаться могла.

– Никто не смог, а она смогла... Все слишком быстро произошло. Твои архаровцы даже волюны достать не успели...

– Ну, вообще-то да... Никто ж не думал, что такая засада будет... А, в натуре, куда эта коза делась? – почесал затылок Сафрон.

Ответ пришел в виде Сани Кулика, которому назначено было работать со свидетелями. Он сам поднялся в кабинет, чтобы известить Степана о первых результатах работы.

– Киллеров было четверо, – сообщил он. – Работали в масках... Нашелся мужик, который видел, как они подъехали к «Реверсу». Машина у них была, «десятка» темно-серого цвета...

– Номера? – спросил Степан.

– Да кто ж их запоминал? – развел руками Саня. – Мужик видел, как они выходили из машины, шли в клуб. Они уже тогда были в масках. В черных комбинезонах, автоматы с глушителями. Он еще подумал, что это спецназ какой-то, ну, мало ли какие проблемы у хозяина «Реверса» с законом... В общем, в милицию он звонить не стал. Но когда понял, какие это спецназовцы были, сам меня нашел...

– Что он еще видел?

– Да видел, как эти «спецназовцы» выходили. Зашли, минуты через три-четыре вышли...

– Быстро управились.

– Так в том-то и дело, у них там все по секундам было расписано. Профессионалы, мать их так... Только непонятно, зачем они бабу с собой тащили...

– Какую бабу?

– Так это, не знаю. В клуб они без бабу заходили, а обратно с ней в машину садились. Она еще в простыню была закутана, вещи в охапке тащила. Ей в машину помогли сесть, как будто она своя была...

– Ни фиги себе! – возмутился Сафрон. – Это что ж получается, они за ней приехали? Из-за этой суки пацанов моих положили?..

Степан тоже был изумлен. Но это не мешало ему развивать пришедшую в голову мысль.

– А ты сам подумай, как эта баба к тебе попала? Гунявый ее приволок, да?

– Ну да, Гунявый.

– Зачем ее к тебе привезли – чтобы ты с нее за часики спросил? А ведь ты мог и пришибить ее ненароком...

– Да ты что, Степаныч, ни в жизнь! Разве что ненароком...

– Заткнись!.. Я так думаю, эта азиатка не одна была, а с друзьями. Кто-то из них пас ее возле ломбарда, а может, они там всей толпой были. Когда ее к тебе повезли, эти ребята за ней поехали. Может, всей толпой, а может, толпа чуть позже подтянулась. Маски появились, автоматы с глушителями. Эти парни девчонку свою выручали, понял?

– Да уже понял, – растерянно кивнул Сафрон.

Он-то, может, и понял, но сам Степан ничего не понимал. Версия у него была, а разумных объяснений происходящему не хватало.

Кто такая эта азиатка? Допустим, это она со своими друзьями ограбила Веронику Дробышеву. Значит, ее сообщники – всего лишь домушники. И для них слишком круто брать в руки автоматы, ехать к Сафрону, мочить его людей, Гунявого со свитой, чтобы спасти свою подружку. Нереально. Здесь действовали наемные убийцы очень высокого класса... Может быть, девчонка была проституткой, и часиками с ней расплатились за доступ к телу. Тогда из беды ее выручали сутенеры. Так они бы даже в кошмарном сне побоялись напасть на охраняемое логово криминального зверя... Тогда кто замочил Гунявого и сафроновских людей?..

Степан внимательно посмотрел на Кулика.

– Сколько, говоришь, киллеры были в клубе?

– Ну, минуты три-четыре.

– Значит, они знали, где искать свою подружку.

– Ну да, вряд ли они плутали по лабиринтам.

– Значит, они знали, где может быть девчонка. И они знали, где мог быть Сафрон... Как ее хоть зовут, черт возьми?

– Да я не знаю, – пожал плечами авторитет. – Трахнул бы, спросил, а так...

– А так тебя самого чуть не трахнули, – усмехнулся Степан.

А может, киллеры все-таки охотились на Сафрона. Они завалили его людей, но саму жертву не обнаружили. Тогда, вместо того чтобы замочить воровайку, они утащили ее с собой. Зачем? А для отвода глаз. Пусть братва думает, что убийцы приезжали чисто за ней... Если так, то преступников нужно искать из числа сафроновских врагов...

Но вскоре нашелся еще один свидетель, показания которого подтвердили самую неудобоваримую версию. Выяснилось, что к «Реверсу» преступники подъезжали дважды. В первый раз они похитили братка, который оставался в машине Гунявого, затащили его в свою «десятку», куда-то увезли. А минут через пять вернулись, чтобы ворваться в клуб, перестрелять всех, кто мог оказать им сопротивление, и забрать с собой восточную красавицу.

Похищенного братка нашли в тот же день. Но допросить его не удалось. Потому что он был мертв. Его труп нашли за мусорными баками во дворе соседнего с «Реверсом» дома. А

вот убийцы его допросили, перед тем как вскрыть ему горло. Видимо, от него и узнали, куда делась их подруга и как ее найти. Браток и объяснил им, как попасть к Сафрону в сауну...

Уже темнело, когда Степан подъехал к мусорной площадке, где был обнаружен труп. Парень лежал на боку, руками держась за перерезанное горло.

– Профессионально сработано, – определил Федот, рассматривая рану. – От уха до уха, так чечены людей режут...

– Чечены?! – задумался Степан.

И принял решение.

– Давай снова в клуб!

Сафрон как был, так и оставался в своем кабинете. За время, пока отсутствовал подполковник Круча, он успел дожрать бутылку коньяка. Взгляд сфокусирован в трубочку, на губах дурацкая улыбка.

– Ты говоришь, девчонка азиаткой была. Может, она чеченка? – спросил Степан.

– Да хрен ее знает, – пьяно махнул рукой Сафрон. – Может, и чеченка... Вот если бы это мужик был, я бы тебе точно сказал, чечен это или нет. Я этих гадов за версту чую. А насчет баб, не знаю, я их мало видел. Может, и чеченка была, а может, и хрен ее знает...

– Завтра с ранья явишься ко мне в отдел, – решил Круча. – Будем составлять фоторобот этой красавицы...

Вообще-то этого борова нужно было сейчас тащить в лабораторию, но ведь он под газом – еще выйдет вместо девушки фоторобот «белой горячки».

Степан понимал, что этой ночью ему не спать. Преступление из ряда вон выходящее, вышестоящее начальство без внимания его не оставит. Да его и самого распирало от желания найти убийц.

В этот вечер в «Реверсе» «отдыхали» исключительно милиционеры. Один за другим подъезжали генералы из вышестоящих инстанций, подтягивались оперативно-следственные делегации из ГУВД, ОБР, МУРа. Не обошлось без жадных до сенсаций телерепортеров. Засветились представители ФСБ, которых очень заинтересовал «чеченский след». В отличие от Степана, они не стали церемониться с Сафроном, затолкали его в свою передвижную лабораторию, сначала допросили по полной программе, затем с его показаний составили субъективный портрет азиатской красавицы. А Степан тем временем «раскручивал» его жену. Нашел ее, доставил в отдел. Память на лица у Ленусика оказалась отменной, к тому же своих потенциальных соперниц она помнила особенно четко. Фоторобот удался на загляденье. Как уверяла Ленусик, точная копия восточной красавицы.

Довольный результатом, Степан вернулся в клуб, нашел Федота.

– Как обстановка? – спросил он.

– Как всегда в таких случаях, – недовольно качнул головой Комов. – Мы за все в ответе. Но нас как бы и нет...

Все правильно, столь громкое дело будет расследовать Генеральная прокуратура при поддержке РУБОПа, то есть ОБР. ФСБ также возьмет его на себя. Уголовный розыск ОВД «Битово» останется как бы не при делах. Но вниманием его не обойдут. Львиная часть работы ляжет на плечи местных «львов». А когда преступников найдут, лавры поделят между собой вышестоящие инстанции, Степану же и его подчиненным влепят выговор – за неудовлетворительную профилактическую работу. Дескать, преступников нужно воспитывать, дабы у них и в мыслях не было устраивать столь грандиозную резню, которая случилась в «Реверсе».

По поводу предстоящего выговора Степан размышлял скорее в шутку, чем всерьез. Зато в остальном все было очень серьезно. В ночь после убийства скучать ему не довелось. Мало того что ему пришлось держать на контроле операцию «Сирена» и «Перехват», им же введенную в Битовском районе, его тягали то к руоповцам, то к фээсбэшникам – объяснять им возможную причину, по которой преступники расстреляли столько людей.

С фээсбэшниками вышел небольшой курьез. Как и предполагал Степан, пьяный Сафрон помог им составить фоторобот существа, очень напоминающий «белую горячку». Пришлось выручать чекистов. Степан представил им свой портрет восточной красавицы.

– Не похожа на чеченку, – внимательно рассматривая фоторобот, покачал головой полковник ФСБ.

Это был невзрачный на вид мужчина стандартной комплекции. Из серии тех «серых» людей, которые не привлекают к себе внимания в толпе. Волевое лицо, мудрый взгляд.

– Не похожа, – кивнул Степан.

– И арабка...

– Вы думаете, эта девушка могла быть шахидкой? – усмехнулся Круча.

– Мы обязаны рассматривать все варианты. Возможно, у нас под носом действует хорошо вооруженная и оснащенная группа террористов.

– Я бы тоже не стал исключать такую возможность... Но вот краденые часики меня очень смущают. Зачем террористам понадобилось обворовывать чью-то квартиру, а затем сбывать украденные оттуда часики?

– Так в том-то и дело, – устало вздохнул полковник. – Террористы, как правило, не имеют проблем с финансами. Как правило... Но надо учесть автономный режим их действий. По какой-то причине у них могли закончиться деньги, и они решили разжиться на стороне. Надо учитывать и такой вариант...

– Насколько я знаю, шахидки носят хиджаб, – вспомнил Степан.

– Хиджаб они надевают перед тем, как взорвать себя. Для них это своеобразный ритуал, кроме того, под этими одеждами можно спрятать пояс со взрывчаткой...

– Пояса у нее точно никакого не было. Ее заставили раздеться догола...

– Да, мы допрашивали гражданина Сафронова. Как вы думаете, товарищ подполковник, ему можно верить? Вот он рассказывает, что девушка вела себя очень вольно, сама напрашивалась... э-э... на половой акт...

– Сафронов еще тот раздолбай, мог и соврать. Но жена его говорит, что не видела в глазах этой девушки ни капли стеснения. В принципе Елена Павловна соврет – не дорого возьмет...

– Все шахидки, как правило, исповедуют ислам, – в раздумье проговорил полковник. – Но это не значит, что они чисты перед Аллахом. Среди них встречаются настоящие оторвы, так что в принципе неважно, врет ваш Сафронов или нет... Та девушка могла быть шахидкой, могла. Боевики направили ее сбывать краденые часы, а когда она попала в беду, выручили ее. Как это ни странно, но у них есть свой кодекс чести...

– Если это все-таки террористы, то что они делают в Битове?

– Ларчик открывается очень просто. Перед тем как совершить теракт в Москве, боевики сосредотачиваются где-нибудь в Подмоскovie. Территориально Битово является частью Москвы, но то, что город находится за пределами МКАД, делает его привлекательным для террористов...

– Насколько я понимаю, основной тактикой террористов является скрытность. А они позволили себе засветиться, когда освобождали свою сообщницу...

– Это вы правильно заметили, подполковник – террористы засветились. И хотя они пока что не обнаружены, возможность совершить теракт свелась для них к минимуму. И если все же мы имеем дело с террористами, надо полагать, что они уже покинули ваш город...

– И все-таки они совершили теракт – двенадцать трупов как-никак...

– Да, но кого они убили? Если не считать соотрудницы клуба, то под огонь попали криминальные личности...

– Ну почему же, штатные охранники клуба имеют весьма косвенное отношение к криминальному миру.

– Но тем не менее они охранники. И то, что они не смогли себя защитить, не делает их невинными жертвами. Это если смотреть на вещи глазами обывателя. А вы знаете, для чего террористы взрывают и убивают? Прежде всего для того, чтобы шокировать именно обывателя. Террористы сеют страх и панику среди населения. А средства массовой информации им в этом охотно помогают. Вы должны понимать, зачем я упомянул журналистов. Не уверен, что в данном случае действовали террористы, но вероятность исключать нельзя. А потому наши с вами предположения не должны стать достоянием прессы. Пусть все думают, что в Битове произошла самая обыкновенная криминальная разборка, вы меня понимаете?

Степан молча кивнул. Он в самом деле хорошо понимал чекиста. Террористы прежде всего работают на публику. И если пресса не будет откликаться на их «подвиги», то все теракты теряют всякий смысл...

Проверки на дорогах результата не принесли. Или преступники каким-то образом смогли обойти посты, или они успели покинуть город до того, как вступил в действие план перехвата.

Результаты принесли оперативно-розыскные мероприятия. В десяти километрах от Битова в направлении Санкт-Петербурга был обнаружен обгоревший остов автомобиля «ВАЗ» десятой модели. Судя по всему, это была та самая машина, на которой скрылись преступники. Розыск продолжался, и еще оставалась надежда, что убийцы будут обнаружены, схвачены или уничтожены.

Кроме того, в сауне среди трупов были найдены трусики и полусапожки «восточной красавицы» – так называл Степан азиатку, из-за которой начался кровавый сыр-бор. Обнаруженные вещи были отправлены на экспертизу, оставалось ждать результатов. Но Степан очень сомневался, что эта с первого взгляда ценная находка что-нибудь прояснит.

Зато кое-что прояснил другой факт. Оперативники битовской милиции пахали всю ночь и смогли найти человека, который видел девушку, очень похожую на разыскиваемую азиатку. Это был охранник казино «Роял-Фортуна», чью деятельность контролировал все тот же Сафрон. Парень смог припомнить, что неделю назад восточная красавица была в казино вместе с молодым человеком кавказской национальности. Выяснился один очень важный момент. Кавказец наел на рулетку и в течение часа выиграл несколько тысяч долларов. Ему бы оседлать удачу да на ее крыльях спорхнуть с насиженного места. Но, видимо, азарт и разум – понятия несовместимые, поэтому парень продолжал играть. Сначала он спустил весь свой выигрыш, а затем и все, с чем пришел, – около двадцати тысяч долларов.

Степан счел своим долгом сообщить об этом открытии полковнику из ФСБ.

– Охранник хорошо запомнил этого игрока? – разволновался чекист.

– Да, и сказал, что вполне может составить субъективный портрет. Я хотел спросить, вы сами будете заниматься или поручите мне?

Степану нравился этот спокойный рассудительный офицер, поэтому он готов был помогать ему по собственной инициативе.

– С вашего позволения, мы сами займемся этим делом, – с благодарностью посмотрел на него полковник.

Похоже, симпатия была взаимной. И каждый видел в этом залог плодотворного сотрудничества.

После разговора с полковником Степан отправился к себе в отдел. Надо было решить кое-какие проблемы местного, так сказать, значения. Федота он прихватил с собой.

– Фээсбэшники считают, что у нас под носом действовали террористы, – сказал он.

– Да не вопрос, – кивнул Комов. – Факты это подтверждают. То, что боевая подготовка у этих ребят на высоком уровне, факт неопровержимый. А гуняевского сокола как они подрезали, чисто чеченский вариант...

– Человек, которого видели в казино, имеет кавказскую внешность. Не исключено, что он чеченец по национальности...

– Я ж и говорю: все один к одному... Да, спустилась туча с Кавказских гор, – с мрачной усмешкой изрек Федот.

– И выпала на наш город в виде фекальных осадков... – подхватил Степан. – Как же мы этих нехристей просмотрели. Жили же они здесь где-то... Так, сейчас собираешь участковых, вставляешь им фитиля, даешь ориентировку на нашу красавицу, пусть землю носом роют, но найдут осиное гнездо, где она жила...

– Так они и без того уже на ногах. И ориентировка у них уже есть...

– Значит, фитиль слабо горит, если нет результата... Надо будет всех к этому делу подключить, даже паспортистов, пусть бегают, ищут, а то совсем зажирели... Но это ни к тебе, это к Хлебову...

– Так вроде ж этим делом руповцы и фээсбэшники занимаются, – несмело напомнил Федот. – Нам-то зачем свои фитиля рвать?

– А тебя обида не мучает? Эти гниды у нас под носом куковали, а мы ни сном ни духом...

– Ну, вааще-та, да, абидна! – на кавказский манер коверкая слова, согласился Федот. И без всякого ерничанья добавил: – А то, что мы ни сном ни духом... Вспомни, как вы с Ромой за какими-то кренделями гонялись...

– Гонялись, – кивнул Степан.

А ведь в ту ночь по всей Москве была объявлена «Гроза». Дыма без огня не бывает. И в тот раз тревога оказалась отнюдь не ложной. ФСБ получила правдивую информацию о том, что где-то в столице и на прилегающих территориях объявилась группа боевиков, но где именно, в каком месте, не знал никто, поэтому операция не принесла положительных результатов. А может, и принесла, если считать, что Степан и Рома гонялись не просто за какими-нибудь самовольщиками из близлежащей воинской части, а за самыми что ни на есть настоящими террористами.

– Слушай, Федот, а это мысль! – одобрительно посмотрел на друга Степан.

– Ну да, мысль. Может, эти перцы квартиру в том доме снимали, откуда ты их погнал...

– Но ведь ночь была.

– Ну, мало ли что – может, они воздухом подышать вышли. А может, ждали кого-то...

– Кого?

– Ну так, боевиков было четверо, это как минимум. А ты только двоих видел. Может, другие двое шлялись где-то. А может, какие-то дела прокручивали...

– Какие-то дела прокручивали? – внутренне встрепенулся Степан. – Там, возле этого дома, воинская часть стоит. А эти двое там себя как дома чувствовали. Знали, где через забор перелезть можно, как посты обойти...

– Ну а я о чем! Может, они там взорвать что-нибудь собирались. Там же склады...

– Склады. И техника... Надо будет Кольцову сообщить, – вспомнил Степан полковника ФСБ. – Пусть эту часть осмотрят – может, там фугас уже заложен...

Он не стал откладывать дело в долгий ящик и тут же позвонил чекисту. Скинул информацию и назревшие выводы. Полковник обещал немедленно заняться воинской частью и выслать своих людей к дому, возле которого были обнаружены предполагаемые боевики.

– Ну вот и все, кажется, мы нашли ключ к разгадке, – складывая трубку телефона, сказал Степан. – Воинская часть террористам была нужна...

– Кстати, это артиллерийский полк, если я не ошибаюсь.

– Артиллерийский, – подтвердил Степан.

– Представляешь, сколько там боеприпасов – если склады на воздух поднять, полгорода на фиг разнесет...

– Не угадал. Склады с боеприпасами у них в другом месте, за городом. Там охрана будь здоров. Хотя кто его знает... А здесь у них вещевые склады, продовольственные, артиллерий-

ский парк... Понимаешь, в чем дело, часть в Чечне побывала, и если устроить здесь хотя бы маленький взрыв, сразу станет понятно, что чеченцы мстят и будут мстить русским солдатам.

– Логично, – не стал спорить Федот. Но перчику в разговор добавил: – Все это как-то фанфарно звучит. Чеченские боевики, русские солдаты, месть – святое дело, все такое. Сейчас про террористов только и разговоров. «Аль-Каида», международный сепаратизм, воины Аллаха, святая миссия, шахидки, тайные лагеря подготовки боевиков, миллионные финансирования... А на деле что? Эти боевики – самые обыкновенные уголовные отморожки. В казино бабки проигрывают, хату Дробышевой вон влет выставили, а эта дура шахидка как попалась – краденые часики в ломбард понесла, ну не идиотка? Восемьдесят пять тысяч долларов наличностью намыли, вот и тратили бы эти баксы, так нет, они еще и драгоценности на бабки меняют. На ширево, что ли, не хватало? Наркоши хреновы...

– Да я не знаю, наркоши они или нет, но сафоновских в капусту покروшили на раз.

– А не должны они были это делать! Они же себя под удар поставили, а значит, и всю операцию... Я это к чему говорю: не надо этих чертей «черными героями» делать. Никакие они, на хрен, не герои, самое обыкновенное уголовное быдло...

– Чего ты завелся? Никто же с тобой не спорит...

– И в напарницы себе шлюху местную подобрали, – не унимался Федот. – Шахидка, мать ее за ногу! Шлюха и воровайка!

– Почему воровайка?

– Да потому что глаз на богатые хаты наметан. Может, это она и навела чеченов на хату Дробышевой?

– Может, она, – задумался Степан. – А может, и не она... Кстати, ты поддал отличную мысль. Надо будет сгонять к Дробышевой, показать фоторобот нашей азиатки... Хотя, вообще-то, она с другой чеченкой знакома...

– С какой чеченкой? – не понял Федот.

– Да есть одна журналистка, Аделаида зовут, про Чечню пишет. Надоело, говорит, по Чечне мотаться, в Москве решила осесть. Дробышева ей квартиру помогла снять...

– Кто она по национальности?

– Да вроде бы русская. Вроде бы из Твери. А там кто его знает...

– Прописка московская есть?

– Вряд ли.

– Надо бы пробить, где она квартиру снимает, наведаться к ней на предмет паспортного режима. Может, она и есть та самая азиатка. А что, кто-то ж дал наводку на квартиру Дробышевой...

– Наведаться надо, – поддержал Федота Степан. – Но сначала надо к Дробышевой съездить, показать ей фоторобот азиатки. Может, это и есть Аида, то есть Аделаида...

– Может, она, а может, и не она... Странно как-то: чеченский след в «Реверсе» и эта журналистка из Чечни. Везде Чечня... Что это, совпадение или закономерность?

– Кстати, насчет Чечни, – вспомнил Степан. – Надо будет проверить одного подполковника, которого мы остановили во время «Грозы». Фамилия, фамилия... Кабаржин его фамилия. Командир особого отряда ОМОН, тоже из Чечни. Мужик он, сразу видно, боевой. Но живет в том самом доме, откуда мы тех подозрительных типов гнали. Может, они заодно. А его удостоверение – чистой воды липа... Ладно, этим я сам займусь. А Веронику Дробышеву пусть Эдик на себя возьмет...

Что-то не хотелось Степану встречаться с Никой. Уж больно баба соблазнительная и к тому же доступная. А от таких соблазнов нужно держаться подальше.

– Да, кстати, когда будет составлен фоторобот дружка нашей восточной красавицы, пусть Эдик и его покажет Дробышевой. Может, она знает его, мало ли что, может, забаловала с ним.

Или просто видела, как он крутился возле ее квартиры. Да чего тебе объяснять, сам все понимаешь...

После небольшого передыха оперативно-розыскная машина снова закрутилась на полных оборотах. Силами ОВД был обследован дом возле воинской части, опрошены соседи. Девушку-азиатку и ее друга никто не видел. В одной квартире были обнаружены лица армянской национальности без регистрации. Но оказалось, что это рабочие, ремонтировавшие квартиру «под ключ». Их просветили со всех сторон, выяснилось, что к событиям в «Реверсе» они не имеют никакого отношения. Других подозрительных жильцов в доме не было. Кроме человека, представившегося подполковником Кабаржиным. Кстати, поговорить с ним не удалось. Квартира, где он жил, пустовала. Соседи сказали, что он выехал куда-то вместе с семьей на собственной машине. И тещу вроде как с собой прихватил. А выехал вчера, как раз в тот день, когда прогремели выстрелы в сафоновском клубе. Подозрительный факт. Да и сама машина – «Жигули» двенадцатой модели – наводила на размышления. Сам-то подполковник вроде бы из Красноярска, далековато для автомобильного путешествия. Впрочем, Степан знал одного товарища, который каждый год ездил на Черноморское побережье Кавказа аж из Владивостока.

Подспудно Степан чувствовал, что этот Кабаржин ни в чем не замешан. Но все же капнул на него полковнику Кольцову, тот включил свои информационные мощности и вскоре выяснил, что да, есть такой подполковник Кабаржин, числился в Красноярском УВД, службу же проходит в Чечне, где безвылазно находится уже третий год подряд. В настоящее время в отпуске, продолжительностью два с половиной месяца. Отзывы командования самые положительные. Осенью прошлого года в результате решительных действий уничтожил крупную банду боевиков, за что был представлен к званию Героя России. Степану представили подлинную фотографию Кабаржину – да, это был тот самый человек, с которым он разговаривал во время «Грозы».

В какой-то момент у него даже мелькнула мысль, что чеченские боевики прибыли в Битово, чтобы свести счеты с героическим подполковником. Но мысль эта не получила развития. Откуда могли боевики знать, где омоновец будет проводить отпуск. Если бы они собирались ему мстить, отправились бы в его родной город, там бы его и вычисляли. К тому же Битово – это, считай, Москва, а в столице боевикам трудней развернуться. Реально, но трудней, чем в том же Красноярске.

Был еще один факт, который оттолкнул Степана от этой мысли. Дело в том, что на территории воинской части, которую облюбовали для себя боевики, был обнаружен заряд взрывчатки с детонатором. Бомбу нашли под досками, сложенными возле химсклада. Взрывоопасного и вредного для окружающей среды на этом складе ничего не было, только оборудование – дезактивация, дегазация, химическая разведка, комплекты химзащиты. Но факт есть факт – склад был заминирован. Детонатор был сообщен с приемником радиосигнала, достаточно было одного импульса со стороны, и прозвучал бы мощный взрыв...

Степан тоже не сидел сложа руки, по своей линии он проверил «чеченскую» журналистку. По национальности русская, лицо типично славянское. Красавица, спортсменка. В свое время закончила факультет журналистики. Спокойная, уравновешенная, язык подвешен. На Эдика Савельева она произвела приятное впечатление. По разговорам с ней он определил, что про Чечню она знает не понаслышке, читал ее статьи в газетах – профессиональный, насыщенный стиль, правда жизни, все такое. Живет одна, работает в газете «Вечерний звон», с документами полный порядок. Словом, никаких подозрений она не вызывала...

Глава четвертая

1

Борис Моисеевич Брайнин был по национальности евреем, что совершенно его не смущало. Мало того, он гордился своей принадлежностью к великому, богом избранному племени.

Да, его народ проклят миром, но это последствия грандиозной подставы, которую в свое время устроили римские поработители. Иисус Христос был евреем, его ученики тоже, но другие народы почему-то не любят афишировать этот неоспоримый факт. Зато с удовольствием смакуют то обстоятельство, что евреи распяли Христа, которого предал их соплеменник. А римляне, оказывается, здесь как бы и ни при чем. Как в Библии подан Понтий Пилат. Якобы он хотел помиловать Божьего Сына, а евреи не позволили ему этого сделать. Бедный, бедный Понтий Пилат, он так мучился, обрекая Иисуса на смерть. Даже руки умыл, чтобы кровь Христа осталась на евреях... Почему-то никто не хочет признавать, что смерть Иисуса прежде всего была выгодна Риму, что Евангелие писалось во времена Римской империи, которая правила умами человечества. Римляне владели словом, и Новый Завет писался под их влиянием. Они нагло распяли Христа, но всю вину за это обрушили на евреев, которые боготворили Божьего Посланника. Они убили Бога, что не помешало им взять на вооружение Его знамя. До сих пор над западными христианами властвует папа римский, до сих пор во всем мире евреев считают изгоями.

На протяжении двух тысячелетий евреи вынуждены жить под всемирным проклятием. Все это время их преследовали, об них вытирали ноги, наконец их убивали и убивают только за их принадлежность к иудейскому племени. Все это время евреи не живут, а выживают. Но все же они по-прежнему Богом избранный народ. Бог дает им силы оставаться на плаву истории, Бог дает их сыновьям талант, который делает их великими финансистами. И сейчас половина мира принадлежит евреям, нет, не территориально, а экономически. Это закономерно и справедливо. К сожалению, вековая борьба за выживание наложила свой не очень хороший отпечаток на менталитет еврейского народа. Сыновья этого великого племени вынуждены считать всех остальных людей своими врагами, а мировую среду – вражеской...

Борис обладал талантом финансиста. Но людей, среди которых жил, своими врагами не считал, во всяком случае, старался не думать о них в таком ключе.

Родился он в самой обыкновенной еврейской семье. Мама – школьная учительница, отец – часовых дел мастер. Он рос как самый обыкновенный русский мальчишка – школа, физико-математический институт, два года армейской службы в звании лейтенанта. На волне перестройки занялся торговлей, со временем на паях с друзьями основал свой коммерческий банк, сошелся с видными людьми из еврейской общины, с их помощью расширил свое дело. Во второй половине девяностых судьба свела его с исключительно талантливым аферистом и махинатором, который благодаря своему уму сумел сколотить многомиллионное состояние. При его финансовой и моральной поддержке Борис основал новый банк, который сам же и возглавил. Он сумел вывести это предприятие в лидеры отечественной экономики. К настоящему времени активы банка составляли около полутора миллиардов долларов. Уже одно это говорило о многом. Но... Так хотелось быть полновластным хозяином своего детища, но, увы, контрольный пакет акций принадлежал «духовному наставнику», человеку еврейской национальности с классической русской фамилией Сидоров. Мало того, Олег Андреевич не сошелся взглядами и характером с новым президентом, в результате чего попал в опалу и вынужден был скрываться за границей. Для настоящего еврея весь мир – среда обитания. Только вот Олега Андреевича тянуло в Россию, здесь его жизнь, его интересы, в частности банк «Альфа-Максимус».

Борис твердо стоял на ногах, личное состояние росло как на дрожжах. Но угнетал тот факт, что в случае нового, еще более крутого наезда на господина Сидорова его банк может попасть под мощный разрушительный удар. Этого не случится, если все акции будут принадлежать только ему одному. А он способен был выкупить чужой пай. Даже если это обойдется ему в две цены, он все равно готов был пойти на этот шаг. Но Олег Андреевич держался за свой пакет двумя руками. И Борису оставалось только уповать на судьбу.

Но, увы, судьба оказалась к нему крайне немилостива...

Как человек, вынужденный вращаться в обществе самых богатых и влиятельных людей России, он обязан был жить в самом престижном месте, в большом красивом доме, а именно – в трехэтажном особняке на Рублевском шоссе. Служба безопасности, охрана – это само собой: вопрос престижа вплотную накладывался на проблему личной безопасности.

Рабочий день у него заканчивался в восемь часов вечера. Час-два на дорогу – в зависимости от загруженности дороги – и он дома. Или у любовницы. Их у него было две. Одна постоянная: девушка-удача по имени Ника. Вторая переменная – сегодня Вера, завтра Надежда, послезавтра Любовь, их он менял как перчатки. Семей он себя пока что не обременял. Борису было под сорок, но он все еще считал себя молодым. И надо сказать, имел на это право. Здоровый образ жизни, правильное питание, спорт, умение разгружать психику от стрессов не позволяли старости брать над ним верх. В свои годы он выглядел всего на тридцать лет. Стройный, подтянутый, энергичный... А семья... Семья подождет. Мама уже устала подбирать ему невест – честных еврейских девушек, но по-прежнему ведет работу в этом направлении. Так что с кандидатками на роль супруги миллионера проблем не будет. Борис решил, что женится, как только избавится от зависимости со стороны Олега Андреевича. Он мечтал об этом событии, как солдат-пехотинец в окопах под Москвой мог мечтать о Дне Победы. Отчаянно далеко, нереально, но шансы, хоть и призрачные, есть...

У Ники он был позавчера, а переменной любовницы, чтобы ехать к ней, у него на данный момент не было. Да и вообще, сегодня его не особо тянуло на секс. Поэтому он отправился к себе домой.

Дом охранялся снаружи и изнутри. И каково же было удивление, когда в своем кабинете он обнаружил хоть и знакомого, но, в сущности, постороннего человека. Это был «мистер „Х“ под вывеской „Игорь Михайлович Старыгин“». Борис всерьез подозревал, что имя и фамилия ненастоящие. Этот человек обладал уникальными возможностями, которые позволяли ему проходить в любые двери, проникать в любое общество. И при этом никто про него толком ничего не знал. Для Бориса он был Игорем Михайловичем, для кого-то Михаилом Игоревичем. Словом, человек-невидимка с огромными полномочиями. Одно Борис знал про него точно – Старыгин был поверенным в делах опального олигарха Сидорова, его устами говорил сам Олег Андреевич.

Игорь Михайлович и сейчас проявил свои уникальные возможности, если никто из охраны не знал о его появлении. А если кто и знал, то никогда в этом не признается... Сейчас как никогда остро Борис осознал свою уязвимость со стороны господина Сидорова. Этот человек имел влияние не только на него, но и на его людей, в частности на службу безопасности банка «Альфа-Максимус». Он запустил и держал свои щупальца в среде сотрудников как личной, так и экономической безопасности. Выходит, что когда дело касается Олега Андреевича, служба безопасности Брайнина превращается в пустой звук. Как ни горько было осознавать сей прискорбный факт, так оно, пожалуй, и было...

– Рад вас видеть, – сквозь зубы улыбнулся Борис.

– Что-то не похоже, – усмехнулся Старыгин. – А зря, зря. Я принес хорошие вести.

– Настолько хорошие, что для этого вы проникли ко мне как тот вый в ночи?

– Извините, Борис, но у меня такой стиль – мое появление всегда неожиданное...

– Хотелось бы знать, кто помогает вам сохранять этот стиль.

– Да, Борис, да, наши люди есть везде.

– Догадываюсь.

– Но у тебя будет возможность избавиться и от нашего влияния, и от наших людей.

– Как поживает ваш босс?

– Можешь называть его просто Олег Андреевич. Я позаботился о том, чтобы наш разговор не остался в истории...

– Я тоже об этом позабочусь, – кивнул Брайнин.

Он открыл сейф, достал оттуда пульт, нажал на кнопочку, которая привела в действие сложный механизм радиоэлектронного противодействия. Мощные невидимые волны ломали работу любого прослушивающего устройства в радиусе двадцати метров от источника излучения.

– Как же я могу избавиться от вашего влияния? – стараясь казаться невозмутимо спокойным, спросил Борис.

– Очень просто. Олег Андреевич готов продать вам весь свой пакет акций.

Банкир был безумно рад этой новости. Но ни одна черточка не дрогнула на его непроницаемом лице.

– На каких условиях?

– Один к одному, то есть по рыночной стоимости.

– С чего бы это? – насторожился Борис.

Он уже давно знал, что господин Сидоров глубоко презирает такое человеческое качество, как душевная доброта. Деловой расчет, замешанный на корысти, вот это для него.

– Есть один момент, который препятствует тому, чтобы мы тут же, прямо на месте, приступили к переговорам о продаже акций, – сообщил Старыгин.

– Небольшое, так сказать, препятствие.

– Небольшое и легко устранимое...

На губах Старыгина угадывалась улыбка данайца, дары приносящего.

– Короче, что я должен сделать?

– Организовать один небольшой теракт.

– Что?! – Борис почувствовал, как почва уходит из-под его ног.

Ему даже пришлось сесть в кресло, чтобы сохранить равновесие.

– Вы хоть соображаете, что вы говорите? Какой, к черту, теракт?

– Успокойтесь, Борис Моисеевич, успокойтесь. Поверьте, ничего сложного в этом нет.

Вы находите группу людей, которые готовы провести террористический акт, договариваетесь с ними, бросаете им кость в виде, ну, думаю, миллиона долларов хватит, ставите им задачу, дожидаетесь исполнения, и наш уговор вступает в силу... Я думаю, миллион долларов для вас пустяк, тем более что эта потеря окупится для вас с лихвой. Вы же получите полный контроль над вашим банком, и обойдется это вам в реальную стоимость акций. В реальную, а не запретельную...

– Это называется реальный беспредел, вот как это называется...

– Ну что вы горячитесь! Все не так уж страшно. У вас есть люди, которые вполне способны справиться с технической стороной вопроса. Поверьте, в нашей стране с лихвой хватает всякой нечисти, которая с удовольствием возьмется за дело...

– Это не ваша, это наша страна, – уточнил Борис. – А нечисть – это вы... И я... Я тоже, если соглашусь с вами...

Полный контроль над банком и всеми предприятиями, которые он опутал своей паутиной, давали ему гарантию спокойного безмятежного существования, в ближайшей перспективе десятки и даже сотни миллионов долларов прибыли. И ради этого ему нужно было пережить пусть и мощную, но лишь одну бурю. Искушение было велико...

– Нас, евреев, всегда считали нечистой, – сказал Старыгин. – И кто так считает? Да те же люди, которые должны пострадать во имя высших интересов...

– Какие высшие интересы? – поморщился Борис. – Вашего Олега Андреевича интересуют только деньги и власть...

– Для нас, сыновей Давида, это и есть высший интерес, – не моргнув глазом, парировал Игорь Михайлович.

– А конкретно, какие цели преследует Олег Андреевич?

– Боюсь, что я не могу вам этого сказать, – сокрушенно развел руками Старыгин. – Но вы же человек умный, сами можете догадаться...

Борис догадывался, какую гадость задумал опальный олигарх. Он давно уже пытается выбить почву из-под ног президента, но пока что ему это не удается. Но, как известно, вода камень точит. Террористические акты, вернее шумиха вокруг них, серьезно расшатывают государственные устои. Одной такой акцией ничего не добьешься, но если их будет десять, двадцать... Авось правительство подаст в отставку, а президент сложит свои полномочия. Будут назначены новые выборы, к власти придет подотчетный олигарху человек, тогда он выйдет из подполья, развернется во всю мощь своего чудовищного таланта. Если столь масштабные цели и преследует господин Сидоров, то одним терактом не обойтись.

Возможно, олигарх преследует менее значимую, но весьма актуальную цель. Террористический акт вызывает шумиху, и это отвлекает внимание Генеральной прокуратуры от его персоны и тех афер, по которым и заведено уголовное дело...

Так или иначе, пакость он затеял великую, а исполнять ее Борису. Слишком велико искушение прибрать к рукам все акции собственного, по сути, банка.

– Хорошо, допустим, я соглашусь, допустим, произойдет то, чего добивается ваш босс. Где гарантия, что Олег Андреевич не потребует продолжения? Каковы гарантии, что он не откажется от своего обещания продать свои акции?

– Мы можем заключить предварительный договор.

– Вы с ума сошли? – вытаращился на Старыгина Борис. – Какой, к черту, договор?

Такой-то обещает сделать то-то и то-то в обмен на террористический акт... Нужно было быть полным идиотом, чтобы заключить такой договор на бумаге.

– Тогда вам придется рассчитывать на честное слово Олега Андреевича...

– Честное слово у него не в почете, – усмехнулся банкир.

– Если оно не подкреплено росписью и печатью, – продолжил посредник.

– А устный договор в таком деле не котируется... У меня есть встречное предложение. Продавая свои акции, Олег Андреевич ничем, по сути, не рискует. Он получает свои деньги, кладет их на счет в банке или пускает в дело – это его дело. Но внакладе он по-любому не остается. Зато я рискую очень сильно. Если меня обвинят в организации теракта, мне грозит пожизненное заключение. Обвинение очень серьезное, рассматриваться мое дело будет в самых верхах, так что при всех своих возможностях избежать наказания я не смогу...

– Возможно, – не стал спорить Старыгин.

– В общем, в случае неудачи я теряю все, а господин Сидоров ничего.

– Логично.

– Исходя из этого, условия буду ставить я. Мы заключаем с Олегом Андреевичем договор, я выкупаю его акции по рыночной цене и плюс к тому десять процентов сверх того. Естественно, при этом я даю устное обещание выполнить его требование...

– Олег Андреевич знал, что с вашей стороны последует именно такое предложение, – надменно усмехнулся Игорь Михайлович.

– И что?

– Боюсь, мы не можем его принять. Слишком высока вероятность того, что вы, попросту говоря, кинете нас. Акции заберете, а дело не сделаете...

– Во-первых, я не заберу акции, а куплю их с выгодой для Олега Андреевича...

– И тем не менее...

– Ну что ж, раз господину Сидорову мало моего честного слова, считайте, что мы не договорились.

– Ну, раз уж вы такой упрямый, тогда давайте изменим условие...

Выражаясь военным языком, Старыгин отступал на заранее подготовленные позиции.

– Попробуйте.

– Вы, Борис Моисеевич, организуете группу людей, способных выполнить вышеназванную задачу, снабжаете их необходимой для этого суммой и передаете мне. А я уже через своего человека ставлю им конкретную задачу...

– Ну что ж, это уже легче, – сказал Борис.

Хотя на самом деле легче ему не стало. Не так-то просто найти группу, способную осуществить террористический акт. Во всяком случае, сотрудники его службы безопасности на такое дело не пойдут да еще и сдадут своего босса. Слишком уж высока степень моральной и уголовной ответственности за такое деяние.

– Я еще не договорил, – качнул головой Старыгин. – Как только я убеждаюсь, что группа соответствует всем требованиям, я сообщаю об этом Олегу Андреевичу, и тогда вы уже заключаете с ним договор купли-продажи. Только вот условия будут несколько другие, акции вы купите у него по стоимости на тридцать процентов выше рыночной цены.

В принципе Борис готов был заплатить и большую цену, лишь бы целиком завладеть банком. Но каждый процент от суммы сделки – очень огромная сумма. Поэтому он принялся отчаянно торговаться. Это у него в крови, и никуда от этого не денешься.

Увлеченный торгом, он отодвинул на второй план все проблемы морального плана. Он радовался, когда сбил финансовый довесок до двадцати двух процентов. Был составлен предварительный договор купли-продажи акций. И только спустя какое-то время до Бориса во всей полноте своей дошло, что это договор заключал куплю-продажу его души...

2

Борис не привык решать дела без тщательной проработки всех деталей. Тем более такое дело... Он ломал голову всю ночь и весь день. Но так и не пришел к мудрому и, главное, безопасному решению. Обращаться за содействием к начальнику своей службы безопасности – глупо. Были у него знакомые среди авторитетов криминального мира. Но с ними лучше не связываться. Никто из бандитов не решится на столь грандиозную авантюру. А если кто-то и согласится, то лишь для того, чтобы повязать Бориса тайным сговором, а затем шантажировать, вымогая из него миллионы долларов...

Так за весь день он ничего и не придумал. Зато его осенила бредовая, но совершенно безопасная идея. Что, если ему отправиться к Нике, сделать ей дорогой подарок, который затем вернется к нему бумерангом удачи. Или он сможет организовать группу террористов, или господин Сидоров продаст ему свои акции без всяких дополнительных условий. Девяносто девять и девять десятых процента из ста, что ничего из этого не случится. Но по-любому к Нике ехать надо. Отрабатывая подарки, она в постели вытворяет такое, что минимум два-три дня после этого про секс даже думать не хочется...

После работы Борис сел в свой джип и велел водителю ехать в Битово, но по пути заехать в ювелирный магазин, где не так давно он присмотрел бриллиантовое кольцо стоимостью тридцать семь тысяч долларов. Ника наверняка обрадуется такому подарку. Бедную девчонку не так давно обворовали. Какая ж дрянь это сделала?..

Борис поймал себя на мысли, что чуть ли не с ненавистью думает о квартирных ворах. И это притом, что сам собирается осуществить несопоставимо большее злодеяние... Пожалуй,

вчера он поступил опрометчиво, сговорившись со Старыгиным. Пока еще не поздно, он должен дать задний ход. Наверное, так и сделает... Успокоенный этой мыслью, он с легким сердцем считал со своей карточки тридцать семь тысяч взамен бриллиантового кольца. «Жаба» в душе даже не шелохнулась...

- Для Ники подарок? – набравшись смелости, спросил водитель.
- Зачем спрашиваешь, если знаешь? – косо посмотрел на него Борис.
- Да тут я один разговор слышал, насчет фортуны.
- Что за разговор?
- Говорят, Ника с одним авторитетом любовь крутила...
- Мало ли что говорят! – нахмурился Борис.

Он и без того знал, что Ника не обременена моралью и крутит любовь налево и направо. Но как ее приструнить, если она птица вольная. И даже подарками ее в клетку не заманишь. К тому же найдутся охотники занять его место подле нее. Аура у Ники такая... Единственно, что может успокоить ее, это замужество. Но Борис не собирался на ней жениться. Его вполне устраивали сложившиеся отношения. Более того, он не раз уже останавливался на мысли, что свободной Ника будет более желанной, чем окольцованной...

– Да я не про то, что она любовь крутила, – не унимался водитель. – А про то, что ее любовь не принесла удачи этому авторитету...

– А если конкретно? – заинтересовался банкир.

– Так это, в Битове, где Ника живет, авторитетный, ну, в смысле, бизнесмен есть. Сафрон у него кликуха. Так вот он часики Нике подарил и сразу же после этого машину свою вдребезги разбил...

– Нечего за рулем пить.

– Ну, может, и выпил, я точно не знаю...

– А откуда ты это вообще знаешь?

– Так у меня же брат в милиции служит. Мы с ним вчера вечером пересеклись, он мне про Битово все рассказал. Вы же в курсе, что там заварушка была?

– Ну в курсе.

– А из-за чего, знаете, все началось? Из-за тех самых часиков, которые у Ники пропали. Воровка их в ломбард понесла, а братва местная ее на этом и поймала. Ну, ее к Сафрону повели. Не знаю, что там с ней делали, но стрельба из-за нее была. Те киллеры ее спасали...

– Ерунда какая-то, из-за одной бабы двенадцать трупов, так не бывает. Это обычная криминальная разборка...

– Ну, может быть. Только брат мой говорит, что это не просто киллеры были. Есть подозрение, что это террористы, а та баба – шахидка...

– Так если она с часиками попалась, значит, она Нику и обворовала. Зачем террористам квартиры обворовывать, у них что, с деньгами проблемы...

– Ну, получается, что да... В общем, там много белых пятен. А самих террористов нет. Говорят, смылись. А перед этим воинскую часть заминировали. Только взорвать не успели...

– Почему в прессе про это ничего нет? – скептически усмехнулся Борис.

– Так потому, что мина не взорвалась. Вот если бы взорвалась... Брат говорит, что наша пресса только о победах террористов пишет. А про то, что террористов ловят и обезвреживают, это типа никому не интересно...

– И много их ловят?

– Да ловят. Только не всегда об этом говорят. Это же свежак, а журналисты падалью больше интересуются...

– Что-то разговорился ты, – раздраженно бросил Борис.

Его злил не водитель, а возможность погореть на террористическом акте или на его организации... Впрочем, он и не погорит, потому что в самое ближайшее время свяжется со Стары-

гиным и сообщит, что забирает свои слова обратно. А то, что контрольный пакет акций останется за Олегом Андреевичем, ну и что? Жил же он как-то без этого пакета раньше и дальше жить будет... А если господин Сидоров обозлится? С контрольным пакетом он может прибрать банк к своим рукам, а Бориса сделать простым членом... совета директоров. Но ведь банк без него пропадет... Что же делать?

В думках и чаяниях Борис забыл позвонить Нике, предупредить о своем визите. Но она была дома. И не одна... Борис несколько не возражал против ее гостыи. Это была высокая, спортивного сложения девушка. Каштанового цвета густые волосы в классическом каре, крупные, но отнюдь не отталкивающие черты лица, большие выразительные глаза, большой рот. Борис заметил в ней какую-то изюминку, которая ставила ее в один ряд с самыми выдающимися красавицами. И сексуальная аура у нее достаточно высокой энергетики. Звали ее Аида.

– Извините, я, наверное, некстати, – собираясь уходить, с плохо скрытым сожалением сказала она.

Борис понял, что завладел ее вниманием. Поэтому ей так не хотелось уходить, расставаться с ним. Но вежливость обязывала.

– Ну почему же некстати? Ника рассказывала мне про вас. Я, между прочим, давно хотел с вами познакомиться. Ничего, если мы перейдем на «ты»?

– А я ее и не отпущу! – заявила Ника.

Похоже, она была под градусом. Борис заглянул на кухню: так и есть, на барной стойке початая бутылка мартини, два пустых бокала с воткнутыми трубочками.

– А где третий бокал? – весело спросил Борис.

– А это без проблем! – Ника нежно провела рукой по его спине.

Но ему захотелось, чтобы это сделала Аида.

Похоже, он увлекся этой красоткой. Но подарок сделал Нике. Она чуть не уписалась от радости, примеривая кольцо. Надо сказать, что Аида смотрела на нее без всякой зависти. Борису это понравилось. Он не любил и даже боялся завидующих людей.

Борис мартини пить не стал. В принципе он соглашался с Никой, что этот напиток не дает похмелья, ну, если он подлинный, а не подделка. Но лично ему мартини не очень нравился. Тем более в таких случаях, когда хотелось напиться. Слишком легкий напиток, нужно много выпить, чтобы дойти до кондиции. Это женщины пьянеют от него на раз, а мужчинам нужен более крепкий напиток, например коньяк.

Застолье как-то не входило в планы Бориса, но Аида своим присутствием внесла коррективы – пришлось звонить в ресторан, заказывать в дом выпивку и разносолы. О том, чтобы отправиться в этот ресторан, мысли почему-то не возникло. Почему-то хотелось именно домашней обстановки, чтобы под боком были красавицы числом не менее двух. Впрочем, можно было обойтись и одной Аидой...

Девчонки налегали на свой мартини, Борис – на коньяк. «Реми Мартин» – отличная вещь, но в данном случае, судя по цене – сто баксов за бутылку, – это был не совсем настоящий коньяк. Но все равно качество напитка было очень даже неплохим. Спиртное шло мягко и легко, в голове ненавязчивым коленкором высвечивался лозунг: «Хорошо сидим!»

– Аида, а вы в самом деле бывали в Чечне? – за разговором спросил он.

– Ой, даже вспоминать об этом не хочется, – как-то отрешенно улыбнулась она.

Видимо, ей не очень хотелось разговаривать на эту тему. Но Борис наседал.

– Трудно, наверное, было?

– Да я бы не сказала, что трудно. Я девушка в принципе выносливая. Но все равно быт замучил. Блокпосты, палатки, никаких удобств, баня за счастье...

– С кем счастье? – сорвалось с языка.

Аида так посмотрела на него, что внутри что-то сжалось. Но взгляд ее тут же смягчился, просветлел. Но в нем блеснул вызов.

– А с кем повезет, с тем и счастье. Но чаще всего я одна парилась. Женщин в Чечне почти нет, а мужики... Я, конечно, не девственница, но привереда... Был у меня один майор, убили. Под Урус-Мартаном снайпер снял. С тех пор ни с кем и никогда...

Она сказала об этом с такой горечью, что у Бориса возник импульсивный порыв привлечь ее к себе, приласкать, утешить. Да и она сама как будто бы об этом просила. И, скорее всего, нуждалась она не в жалостливых утешениях, а в горячей мужской ласке.

– Да, Чечня, заварили кашу...

– Так вы же, олигархи, и заварили, – совершенно без всякой агрессии сказала она.

Борису было приятно, что его называли олигархом. Хотя, по сути, он им не был. Олигархи – это не просто богатые люди, это лица, способные влиять на власть, вносить коррективы в правительственные планы. Он пока что такой возможности не имел... Но судьба-злодейка предоставляет ему такую возможность. Если он организует теракт, это будет самое что ни на есть мощное воздействие на власть. Но этот вариант абсолютно неприемлем. Даже при самом успешном исходе планируемой акции он останется за кадром и никоим образом не сможет диктовать свои условия. Это не влияние на власть, это кровавый беспредел в государственном масштабе. Погибнут десятки ни в чем не повинных людей, а может, и сотни... Да, пожалуй, вчера он перегнул палку. Но еще не поздно вернуть все на круги своя...

– Может быть, – не стал спорить с Аидой Борис. – Но лично я в этом не участвовал...

– На Чечне греют руки все, кому не лень. Неужели вы в стороне?

– Честно признаться, да, есть небольшие грехи. Часть наших денег проходит через «черную дыру», как мы называем Чечню. Но я вам этого не говорил...

– А я на Чечне зарабатываю деньги, но я вам этого тоже не говорила, – с каким-то мрачным задором сказала Аида.

– И много заработали?

– Не много. Даже на приданое не хватит.

– Ну, это смотря за кого замуж выходить.

– А мне смотреть нечего, я замуж не собираюсь... Но мужчин люблю!

Теперь в ее глазах светился натуральный веселый задор, и развратные бесята водили хоровод.

– Ба! Аида! Я же тоже их, противных, люблю! – пьяно засмеялась Ника.

Девчонки бросились обниматься. И целоваться – в губы, но не в засос. Пьяная карусель закружила их, выбросила в гостиную, где Ника на всю врубила музыку и залезла на стол. К ней присоединилась и Аида.

Борис частенько бывал в стриптиз-клубе. Там все профессионально, спору нет, но как-то без души, не по-русски. А он хоть и еврей, но душа у него русская, так хочется иногда, чтобы внутри все развернулось на всю ширину, а потом медленно свернулось, но так, чтобы затрепетала плоть и пробки в голове выкрутило...

Девчонки знали толк в современном танце. А зажигали – только держись. Борис не удержался. И когда они остались в одних трусиках, набросился на Нику, на руках отнес ее в спальню, повалил на кровать. Она отбивалась, но весело, со смехом и, разумеется, не всерьез. Он сорвал с нее последний клочок материи, забросил ноги на плечи и с превеликим удовольствием продемонстрировал свои мужские способности. Но в восторге была не только Ника... Борис не сразу поверил своим глазам, когда рядом с ней обнаружил и Аиду. Она провела рукой по ее груди, а другой рукой коснулась Бориса. И это было лишь начало, после чего карусель закрутилась с новой силой и на смазке тройной похоти...

Это была дьявольски веселая ночь. Безудержный секс чередовался выпивкой, дикарскими танцами, затем снова было разнузданное переплетение тел. Первой не выдержала Ника. Повернулась на бочок, выставила на обозрение красивую, но худосочную попку и погрузилась в глубокий пьяный сон. Зато Борис, к своему удовольствию, оставался на высоте. И Аида сда-

ваться не собиралась. Тело у нее пышное, но такое упругое – не только снаружи, но изнутри тоже. Ему нравилось мять ее роскошную тугую попку, срывать губами сочные ягодки с ее шикарного бюста. И для ее губ тоже находилась работа...

Борис был бизнесменом от головы до пят, считал себя рьяным трудоголиком. Что бы ни случилось ночью, утром он обязан был быть в банке, чтобы в поте мозгов своих решать финансовые проблемы. Но сегодня он откровенно похерил свой принцип. Содомская стихия измотала его, и к утру он едва нашел в себе силы, чтобы позвонить своему заму и навязать ему бразды правления.

Измощенный и обессиленный, но страшно довольный, он спал до обеда. А затем забрал с собой Аиду и поехал к себе.

Ника остановила его уже на пороге. Аида в это время была уже возле лифта.

– Когда тебя ждать? – буднично спокойно спросила она.

Казалось, ее совершенно не смущал тот факт, что Борис отдает предпочтение ее подруге.

– Я позвоню.

– Звони, буду ждать... А ты шалунишка! – Она с веселым укором погрозила ему пальчиком.

– Ты тоже, – не остался он в долгу.

– Но тебе же понравилось?

– Боюсь, что да.

– Зачем бояться, радоваться надо... Если у тебя есть желание, я еще что-нибудь в том же духе организую...

Ее бесстыдство не раздражало, напротив, заводило.

– Ну ты и развратница, – улыбнулся он.

– Все для тебя, дорогой, все для тебя...

Да, она готова была пьянить и веселить его всегда. Все к его услугам. Если не считать, что у Ники есть второй, такой же штатный любовник. При всем своем желании угодить Борису, она оставалась свободной женщиной. И это обстоятельство было тем самым магнитом, который каждый раз с новой силой тянул его к этой красивой распутнице. Любовницы уходят и приходят, а Ника остается. Она прекрасно понимает, что Аида всего лишь временное для него явление, поэтому ничуть не беспокоится. И, пожалуй, правильно делает... Но пока что Бориса вдохновляла Аида. Хотелось поскорее добрать до дома, закрыться с ней в сауне, отмыться от прежних грехов и тут же предаться новым...

Аида с восторгом осматривала его дом.

– Говорила мне Ника, что ты очень богат, но я не думала, что настолько...

– А ты не думай. Ты думай только обо мне...

– Ты, наверное, думаешь, что мне твои деньги нужны? – с укором посмотрела на него Аида.

– Как будто деньги тебя не волнуют?

Он постарался спрятать нарождающуюся усмешку, но, похоже, это не очень хорошо у него получилось.

Почти что все красавицы, которых он имел, мечтали выйти за него замуж, чтобы получить хотя бы часть прав на его состояние. Надо сказать, что с их стороны это выглядело как вполне естественное желание. Неестественными выглядели их попытки выдать себя за бесребрениц.

– Меня волнуют не деньги, – просто и безмятежно сказала она. – Меня волнует их отсутствие... Был бы ты нищим, я бы на тебя не запала. Но и твои миллионы не кружат мне голову.

– Почему? – все так же с плохо скрытой насмешкой спросил он.

– Мне достаточно мужчины со средним достатком. Так сказать, золотая середина... Впрочем, не бери в голову, замуж я за тебя все равно не собираюсь...

Так он ей и поверил.

Из сауны Борис вышел как заново рожденный. Секс был, Аида смогла доставить ему удовольствие, но сделала это так, что силы не убывли, а наоборот, влились в него свежей струей.

Она понимала, что его состояние «после вчерашнего» оставляет желать лучшего. Поэтому окружила его мягкой, исцеляющей заботой. Весь вечер нежила его и лелеяла, натирала ароматными маслами, своими ласками закачивала в тело волнуемую энергию. И в сексе она была такой же мягкой и ласковой, не позволяя ему перегреваться. Подводила его к финишу медленно и плавно. Финал не был таким бурным и взрывным, как вчера. Но все же Борис поднялся на самую вершину удовольствия, а спускался с нее на удивление медленно на пышном облаке блаженства. Но на землю он так и не спустился – плавно затухающий экстаз перешел в сладкий радужный сон...

Утром он проснулся полным сил и рабочей энергии. И – никакого желания прогонять Аиду, хотя, по идее, именно так он и должен был поступить. Она осталась у него. И вечером он спешил домой как на праздник.

Аида его не разочаровала. Взрывной секс, одурачивающие ласки, нежные слова... И утром она снова осталась у него. Правда, вечером он уже не очень спешил домой. При всех своих достоинствах Аида все же обладала одним, присущим всем его женщинам, недостатком. Она начинала надоедать...

Она задержалась у него дома еще на один день. А затем произошел неприятный, но уже привычный для него разговор.

– Ты говорила, что работаешь в газете, – утром, собираясь на работу, напомнил ей Борис.

– Да, работаю, газета «Вечерний звон». А что?

– Если бы не ты, я бы и не знал о такой газете. Хочешь, я помогу тебе устроиться в более солидное издательство.

– В какое?

– Пока не знаю. У меня есть один хороший знакомый в Министерстве печати. Я ему позвоню, он что-нибудь придумает...

– Спасибо.

– Ты вечером будешь у себя?

Это был ключевой вопрос. Аиду он поставил в тупик. Но что делать?

– А разве не у тебя? – помрачнела она.

– Мне почему-то кажется, что тебе здесь скучно.

– Нет, мне у тебя нравится...

– Но ведь дома лучше?

– Да, в гостях хорошо, – непривычно жестко сверкнула она взглядом. – А дома лучше... Есть еще одна сентенция – пора и честь знать, да?.. Ну, раз от ворот поворот, тогда я пошла...

Она стала собираться, и все же в ее поведении ощущалась надежда, что Борис остановит ее, попросит остаться. Но, увы, решение уже принято.

– Ты можешь не торопиться, – сказал он и посмотрел на часы. – За тобой заедут... э-э... в половине одиннадцатого. Куда тебя отвезти: в Битово или в редакцию?

– Не волнуйся, я сама доберусь, – тускло улыбнулась она.

– Да я и не волнуюсь, – пожал он плечами.

– Когда мы встретимся? – чуть ли не в отчаянии посмотрела на него Аида.

– Видишь ли... – замылся он.

– Понятно, никогда...

– Ну почему же, ты же бываешь у Ники.

– А ты у нее будешь?

– Да, она просила...

– Она тебя просила. Как будто я тебя не прошу... А ведь говорил, что любишь меня.

– Аида, ты же взрослая девушка, ты должна понимать, что мужчина должен говорить то, что хочет слышать женщина.

– Да, я хотела, чтобы ты меня любил... Видно, не судьба...

– Не судьба...

– Ты не пожалеешь? – Взгляд ее наполнился какой-то пугающей хмарью.

– О чем?

– О том, что мы расстаемся...

– Жалеть я, конечно, буду. Ты даже не представляешь, как мне было с тобой хорошо...

– Он тоже так говорил.

– Кто он?

– Мужчина. Мой первый мужчина... Он тоже предал меня...

– Я тебя не предавал.

– Не знаю... Ну все, счастливо оставаться. Только не уверена, что будет тебе счастье...

Перед тем как уйти, Аида попросила его не утруждать себя звонком в Министерство печати. Что ж, такую просьбу он готов был удовлетворить. А саму Аиду он удовлетворять больше не хочет. Скучно читать уже прочитанную книгу, даже если она очень интересная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.